

Марина Хробот

Женский авантюрный роман

БЕРЕГИНЯ СЕГОДНЯ

2

*Каждый день мы изменяем природу
Каждое мгновение природа изменяет нас...*

Марина Хробот
Берегиня сегодня 2

«Автор»

2020

Хробот М.

Берегиня сегодня 2 / М. Хробот — «Автор», 2020

На трассе Волоколамск – Осташков происходит странная авария. Автомобиль Маши сбивают кабанчик Борька и свинья Хавронья. Жизнь Маши спасает её подруга Анна. Анна – Берегиня и может лечить людей. Но при этом, отдавая много энергии, она заболевает. И тогда Маша везёт Анну в Зону Топь в Якутию, где добывают уран и проводят опыты над людьми. Только там Анна сможет выздороветь. По прибытии в Зону начинаются приключения двух молодых женщин, совершенно разных по внешнему виду и характеру. Сама Зона Топь аномальная и люди здесь живут и работают необычные.

© Хробот М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	26
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	36
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Хробот

Берегиня сегодня 2

*Каждый день мы изменяем Природу, и каждый миг Природа
изменяет нас.*

Глава 1

Половина восьмого утра. Синяя морозная прозрачность за окном. Рассвет в минус двадцать. Под двумя одеялами так тепло, так тепло. Рядом сопит Кирилл.

За стеной, в своей комнате спит сын Данила. Как же хорошо, когда дома всё хорошо...

На тумбочке зазвонил телефон. Пришлось высунуть руку в холодный воздух.

– Алло, – обреченно вздохнула я в трубку.

– Дети в школу собирайтесь, петушок давно пропел. – Хрипло сообщил братец.

При мысли, что придётся вставать и топтать по вымерзшему за ночь дому, захотелось натянуть одеяло «с головой», и не шевелиться до апреля. Но от брата под одеялом не спрячешься.

– Кукареку, Толик. Ты уже встал, или сначала решил заморозить мне настроение?

– Маня, – Толик откашлялся, – я уже в магазине. Хмырь, что живёт за кемпингом, в особняке, замёрз. Позвонил в шесть утра, попросил «за ради Бога» пять штук обогревателей. У него ребёнок маленький. Я и встал.

– Гуманист. – Рука начала замерзать. – От меня что надо?

Лежащий рядом Кирилл проворчал что-то на счёт нашего с братом трудоголизма. Я плотнее закуталась в одеяло и слушала Толика.

– Машка, обогревателей осталось десять штук, автомобильных аккумуляторов пять, а электропледов и грелок для ног по две штуки.

Мой внутренний оранжевый голос, отвечающий за финансовые операции и сохранения здравого смысла, завопил: «Подъём! Кассовый аппарат зовёт!»

– Встаю, – мрачно сказала я.

– Кстати, камин и печь я перед уходом затопил, так что скоро и до вас допрёт тепло.

– Спасибо Толик! Вот за это моё тебе искреннее сестринское спасибо!

– Да ладно, тебе, говорунья.

Положив трубку, я высунула ногу из-под одеяла. Нога оказалась в шерстяном носке. О! Я всё-таки люблю себя.

«А наплюй на всё и верни ногу в тёплое гнёздышко. Пусть магазин подождёт» – загундел во мне Болотный голос, отвечающий за мои удовольствия и лень. У меня ещё есть внутренний бирюзовый голосок – сентиментальный, интуитивный, жалостливый, но он самый тихий из трёх.

Было бы два, могло случиться раздвоение личности, а так три – полна гармония.

Здравый оранжевый голос напомнил о некоторых подвижках в моём организме, при которых пить ничего крепче кваса не рекомендуется, и сначала правая, а затем и левая ноги нащупали на полу тапочки-арбузики, зелёно-полосатые.

Встав, я нагнулась к Кириллу и поцеловала в плечо. Кирилл заворчал:

– Не тормоши, я ещё сплю, – и плотнее укутался в одеяло.

На туалет-ванную-завтрак ушел час, и я с чистой совестью, что никого не разбужу в девять утра, начала обзванивать поставщиков.

Усевшись за кухонным столом на первом этаже, я посматривала на заснеженные сосны и деревья, подсвеченный фонарём.

Налив самую большую горячего сладкого чая с тремя дольками лимона, раскрыла толстенную записную книжку. Пришлось сделать одиннадцать звонков, узнавая наличие нужных товаров на складе.

Как всегда самые низкие цены оказались не в соседнем Осташкове, или в Твери, а в Москве.

Я могла заказать товар по каталогу, но тогда товар придёт только через три-четыре дня и обязательно будет пересортица и разборки, а нам, как всегда в торговле, нужно сейчас и немедленно.

Торговля в нашем с братом собственном магазине шла хорошо, хотя зима не сезон для хозяйственного магазина. Зато сейчас ежедневный аншлаг отопительных приборов.

Появилась новинка – обогревательный шары. Плавает такой шар по комнате, ищет место, где температура ниже, прогревает и плывёт себе дальше. Но мой бирюзовый голосок пел: «Ах, наша печка и камин так романтичны!»

На личном фронте у нас происходили тишь да благодать – Кирилл рисовал зимние пейзажи из окна моего тёплого дома, иногда помогал по хозяйству и Толику в магазине, и частенько оставался на ночь. Окончательно ко мне он пока не переехал, отговаривался тем, что после свадьбы ещё наживётся.

Сын Данила, когда отвлекался от планшета, активно дрессировал лабрадора Ривза.

Взвесив «за» и «против», я не стала будить Кирилла. Он вчера весь вечер сидел перед телевизором и грелся электродеялом – снаружи, и сорокоградусным джином – внутри. Короче говоря, не боец.

* * *

При выезде из посёлка зашла в свой магазин.

Брат неспешно ходил по торговому залу, сверяя по накладным наличие товара.

– Толик, – я встала перед прилавком. – Как ты понимаешь, я еду в Москву, контролировать отгрузку товара. Не забудь закупить продукты, холодильник пустой. И проследи, чтобы Данила съел суп.

– Какой суп? – Толик сонно смотрел на меня.

– Который ты сваришь. На Кирилла надежда маленькая. И вообще, Данила не его сын, а мой, и твой племянник, между прочим. Пока будешь суетиться по хозяйству, поставишь моего красавчика за прилавок. Товара всё равно мало, справится.

– Машка, заканчивай дурью маяться, – брат кинул бумаги на прилавок. – Давай наймём домохозяйку, что это я, бляха муха, по дому с половой тряпкой шарюсь.

– Толя... – Зубы мои свело от недовольства. Терпеть не могу тратить кровные денежки на неоправданные расходы. – Я подумаю.

Гоня свой «Лексус» по дороге между заснеженных деревьев леса, сквозь деревушки и города, я уговаривала себя уgomонить непонятно откуда появившееся чувство тревоги.

«Благодари Судьбу и не суетись», – строил меня оранжевый голос. Болотный голос нудел: «Так хорошо долго не бывает».

И ещё я корила себя за то, что велела Толику поставить Кирилла за прилавок. Узнав об этом, все наши местные девицы не поленились и припрутся в магазин, поболтать с ним, сделать селфи и, что наиболее неприятно, попозировать ему, как художнику, для набросков. И каждая не забудет ему напомнить, что я, его будущая жена, на пять лет старше, и намекнуть, что я его купила.

Нет, я его не покупала. Он добровольно поддался моей влюблённости.

В прошлом году мы попали в большие передраги, и Кирилл повёл себя вполне достойно, помогая мне и моей подруге Ане, выпутаться из них.

И вообще я ему нравлюсь. Хотя последний месяц он только тихо спит рядом со мной, греется... И хватит мне трястись от ревности.

«Ты же беременна!» – Напомнил мне мой здравый смысл оранжевого цвета. – «Конечно, мужчина может уйти из семьи и от собственного ребёнка. Он может уйти от богатой жены...» И

тут, как всегда, встрял циничный болотный голосок: «Но, чтобы уйти одновременно от богатой жены и от собственного ребёнка – такого практически не бывает».

* * *

В два часа дня я бодро вошла на территорию Митинского радиорынка... и выползла оттуда обессиленная в половине седьмого вечера. Пересмотрела и перешупала десятки образцов, пересчитала все варианты скидок, выпила с поставщиками два литра кофе.

Хотелось половину горячей курицы гриль, апельсинового сока и спать. А завтра с утра отдать документы в банк на оплату, и днём совершить особый подвиг – то, что я делаю с душевной болью и зубовным скрежетом – потратить деньги в магазине на себя и родных. И домой, домой.

Моя любимая, и единственная близкая подруга Анна живёт в Москве, и логично было бы заночевать у неё, но в этом году она впервые в жизни отправилась в заграничное турне по Италии, вместе с мамой и племянником. Так что придётся мне перебиваться в гостинице.

Глава 2

Сделав предварительный расчёт в блокноте, официант Жорик увидел поднятую руку за дальним столиком. За ним сидели парень и девушка, сразу честно предупредившие – на этой неделе им исполнилось по двадцати одному году, и они официально хотят выпить. Но не в подъезде с друзьями, не на кухне при родителях, а друг с другом в хорошей обстановке. Закуску парочка выбрала скромную, но вкусную.

Жора, не переставая строго улыбаться, заменил им графин и взглянул на столик Лены, за который только что уселась посетительница. Ничего особенного, среднего росточка, пухленькая, одета неброско, но дорого. Явно пришла поужинать, а не мужика снять. Такие дают чаевых мало, но зато «не кидают».

– ...могу тебя завтра подхватить в Шереметьево, как раз поеду из Москвы домой... Я специально подгадаю к прибытию самолёта... В Зону Топь не собираешься?.. Пошутила, пошутила я.

Хорошо, что Жорик успел поставить поднос на свою рабочую тумбочку, иначе выронил бы. Словосочетание «Зона Топь» из семи миллиардов населения планеты Земля, знают от силы тысячи полторы, причём усиленно об этом молчат.

Переставив заказ на столик «совершеннолетних», Жора заставил себя ни разу не оглянуться, пока шёл на кухню. Там он спрятался за косяк и осторожно выглянул.

Ну, точно, эта... как её... Маша или Маруся, сидела, ела салатик «Цезарский», пила апельсиновый сок и чувствовала себя прекрасно.

Со второго столика, где сидели серьёзные клиенты, дали отмашку, и Жора поспешил за новой бутылкой водки и мясным ассорти.

Жора остро чувствовал зуд в пальцах рук и в позвоночнике. Так было при ожидании хороших чаевых, при выигрыше в лотерею, и при радостном известии.

И теперь он, Жорес Владимирович, воспользуется шансом всё изменить, или халдеить ему Жориком до пенсии, а в старости бутылки по дворам собирать.

Ночью меня разбудил стук в дверь. Если бы не голос, монотонно повторяющий: «Маша, Маша, мне надо поговорить», я бы ни за что не встала.

Часы на столике показывали два часа. Мистика какая-то. В Москве, ночью, со мной кто-то рвётся поговорить.

Открыв дверь, я первым делом увидела в двух вытянутых руках поднос с бутылкой коньяка, пакетом апельсинового сока, толстокожим лимоном и шоколадкой. Затем из полутёмного коридора материализовался мужчина незнакомой наружности.

– Маша, поговорить нужно. Меня Жориком зовут.

– Проходите. – Я запахнула накинутое на себя одеяло. – Подождите минуту, я оденусь.

Пока я в спальне натягивала джинсы и свитер, мужчина в гостиной разлил коньяк по гостиничным бокалам и нарезал лимон. Было прохладно и я накинула на плечи одеяло.

Жора сидел в кресле и ожидал меня с серьёзным видом.

– Мария, я заочно знаком с тобой и твоей уникальной подругой Анной. Сегодня услышал разговор по телефону про некую Зону Топь и решил зайти, поговорить.

Я наступила на край одеяла и чуть не упала. «Поменьше трепаться надо в общественных местах», – противно заверещал мой Болотный голос. – «Болтун – находка для шпиона!» Плехнувшись на диван, я внимательно оглядела молодого мужчину. Вроде простецкая внешность, а глаза умненькие.

– И чего от меня нужно? – Я взяла в руки рюмку и тут же поставила обратно. – Мне нельзя алкоголь, налей сока.

Жора проворно метнулся в ванную, сполоснул стакан, налил сок и выдохнул:

– Очень хочу знать. Где сейчас Леонид.
– Понятия не имею. – Честно ответила я. – Скорее всего, в больнице для психов.
– Н-да, – парень расстроено плеснул себе коньяка на полбокала.
– А-а... – Я осторожнее сформулировать вопрос. – А что вы слышали о Топи?
– Я с августа по декабрь был в Посёлке и Зоне Топь. Привёз туда посылку от Леонида для академика Аристарха Кирилловича.

Моя рука переместилась к бокалу с соком.

– Посылкой, как я понимаю, вы называете двоих детей?

– Да. – Обрадовался Жора. – Двоих детей четырёх и пяти лет. Леонид выкупил их из специальных детских домов. – В три глотка выпив коньяк, Жора подышал, приходя в себя, и сжевал дольку лимона. – Эх, хорошо... Так вот, Маша, могу похвалиться, но дети теперь устроены в семьях гораздо лучше, чем некоторые при родных родителях.

– Рада слышать. Жора, зачем тебе Леонид?

Налив себе ещё полбокала, Жора не стал медлить и выпил коньяк залпом. Глазки его заблестели.

– Я, Маша хочу изменить свою жизнь. К лучшему. Не в криминальном смысле, а самому стать более цельным человеком. Я, когда с Леонидом встретился, понял, что полжизни ху... фигней страдал. А с Тавренным не соскучишься.

Зевота не давала мне нормально говорить.

– Жора, извини, у меня режим. А где Леонид сейчас, я действительно не знаю.

Жора встал.

– Извини, спокойной ночи.

– Надеюсь, что спокойной. Коньяк с собой заberi.

Не глядя, Жора прихватил коньяк и тарелочку с нарезанным лимоном.

– Ты беременна?

В глазах Жоры, что меня очень удивило, была искренняя радость.

– Да, Жора, у меня восемь недель и нужно спать.

– Поздравляю.

Глава 3

Март в Италии – уже буйная весна. За раскрытыми окнами гостиницы солнце грело древние мостовые Пьяченцы. Незнакомые деревья благоухали сладкими запахами. Фиалки и бархотки, крокусы и анютины глазки, высаженные в цветочные горшки, радовали глаз с широких подоконников.

Вовка в окно подглядывал за Анной. Та рассматривала витрину магазина сувениров.

А все вокруг рассматривали Анну. Не было ни одного мужчины, не обратившего на неё внимания. Один даже врезался в стену, заглядевшись на стройную девушку с длинными русыми волосами, со светлыми глазами, в лёгком белом платье. Она была похожа на Афродиту пенорождённую.

Молодёнький продавец сувенирного магазина открыл дверь, и, размахивая руками, пригласил Анну войти. Она сделала шаг вперёд, и тут, рядом с нею, стал оседать на мостовую мужчина средних лет. Лицо бледнело, губы синели.

Продавец и Анна одновременно нагнулись к мужчине. Достав мобильный, продавец, вероятно, стал вызывать скорую. Аня провела ладонью над головой упавшего. Тот очнулся, зажмурился, увидев Анну и медленно встал. Продавец с удивлением наблюдал за сценой. Аня не стала заходить в магазин, а пересекла дорогу и зашла в гостиницу. Спасённый мужчина и продавец смотрели ей вслед.

В номер Вовчика постучали, и вошла Валерия Николаевна.

– Вова, ты собираешься в музей? – Валерия Николаевна посмотрелась в большое зеркало у двери, поправила платок на шее, в элегантный контраст лёгкому строгому костюму. – Аня ждёт нас в холле, на первом этаже.

– Я готов, – с сожалением ответил Вовка.

Ему совсем не хотелось в музей, он бы лучше посидел за компьютером, поиграл бы в «танки» или поболтал в соцсетях, но спорить с тётей себе дороже. Тётя Лера обидится и лишит карманных денег.

Валерия Николаевна и Вовчик, делая вид, что им интересно, ходили по залам музея в Пьяченца. Зато Аня получала громадное наслаждение, ходя по прохладным залам. В последний раз она была в музее в седьмом классе и сильнее всего запомнила, как пряталась от сочувствующих её внешности взглядов в туалете Третьяковки.

Тогда она была низенькой худощавой уродицей с прыщавым лицом. Теперь её облик вызывал восхищение и зависть. А Анне было всё равно. Ей слышалась старинная музыка и хотелось танцевать по мрамору музея-дворца.

При выходе из музея, около ступенек, стояла инвалидная коляска с мальчиком лет семи. Не то его забыли поднадзорные службы, не то родители куда-то отлучились, но мальчик сидел одинокий и без радости смотрел на прекрасную площадь Пьяченцы Пьяца Ковалли. Слезы текли по его щекам. Проходящую мимо Анну он схватил за руку. Что он говорил Анна не поняла, «даро уне mano», или что-то такое и она просто провела рукой по голове мальчика. Он успокоился и смотрел на неё, улыбаясь.

На ступени музея выбежала молодая женщина и с тревогой оглядывалась. Как заметила мальчика, подбежала к нему оттолкнула руку Анны... и тут же замерла. Внимательно вглядевшись в лицо Анны, она проговорила «анжело», перекрестилась и повезла инвалидную коляску по пандусу, на площадь. Несколько раз обернулась и приветливо помахала рукой Анне.

На ходящего за Аней мужчину, первой обратила внимание её мама.

– Анечка, вон тот курчавый парень с бандитской внешностью, вторые сутки смотрит на тебя со странным выражением.

– На неё половина мужиков Италии так смотрят, – весело проговорил Володя, доедая мороженное. – Но только этот придурок таскается за нами по всем музеям.

– Почему же придурок? – Аня два раза коротко взглянула на молодого мужчину.

Среднего роста, длинные волосы, смуглый. Глаза тёмные, широкий нос, крупный рот. Яркая внешность. Одет в джинсы и драную лёгкую куртку, очень дорогую. Но кроссовки пыльные.

Действительно, она его видела и сегодня и вчера. Заметив её внимание, мужчина улыбнулся широкой пастью с крупными белыми зубами и, разведя руки в приветствии, начал изъясняться на итальянском языке.

К моменту его подхода к Анне, все соседние туристы знали, чего именно восхищенный художник хочет от прекрасной девушки классической наружности.

Мама, хвалившаяся перед поездкой беглым знанием итальянского языка, мультяшно быстро листала разговорник, сверяя с ним комплименты мужчины. Всё произнесённое вроде бы оказалось приличным и допустимым для общения.

– Мам, ты или сама переводи, или сейчас кто-нибудь другой начнёт...

Валерию Николаевну, Вовчика и Анну обступала толпа, в которой появились понимающие лица российских туристов, одетых так же, как и итальянцы и туристы из других стран – рубашки и футболки, шорты и летние туфли.

Что говорили другие иностранцы Анна не понимала, зато россияне не стеснялись:

– Снимает он её!

– Не-е, он картину хочет подарить...

– Да нет, селфится на память хочет сфоткаться...

– Если коротко – Валерия Николаевна сделала уверенный жест, и туристы смолкли. – То он хочет её нарисовать.

– И мама с братом могут сидеть рядом для вашей безопасности, – блеснул знанием итальянского языка хорошо одетый мужчина искусствоведческой наружности. – Советую девушка, соглашайтесь. Я Луиджи знаю, он модный художник.

Анне ситуация нравилась. Италия, теплынь, внимание людей, по тем или иным причинам, зашедших в музей. И художник ей нравился и пожилой мужчина.

– Минуточку. Вот вы, мужчина. – Валерия Николаевна дотронулась до пиджака «искусствоведа». – Давайте захватим этого активного молодого человека, и все вместе сядем в кафе. Иначе скоро мимо нас экскурсоводы начнут проводить туристов, включив в экспозицию!

– И я их понимаю, – проникновенно сказал мужчина. – Юрий Владимирович Топорков. А вас как зовут, сударыня?

– Какие же вы нудные, – тихо сказал Вовка и пошел к выходу, пока тётя не передумала.

Подхватив Юрия Владимировича под локоть и поманив за собой художника, Валерия повела мужчин к выходу и делала лёгкий жест ладонью, знакомя.

– Я – Валерия Николаевна, это Володя, племянник. А это Анна, моя дочь. Единственная.

– Не буду говорить слова «прекрасная и неповторимая», боюсь показаться банальным, но в вашей дочери бездна очарования. В родном Питере я бы не стал садиться с вами в кафе, чувствуя себя... – Юрий Владимирович нахмурился, – сводником. Но Италия расслабляет.

Скептически скривив рот Вовчик и утрированно закатив глаза. Идущий сзади итальянец широко улыбался и не сводил взгляда с Анны.

Площадь от музея пересекли за пять минут и расселись за широким деревянным столом летнего кафе на тротуаре.

– Моя дочь, – начала фантазировать Валерия Николаевна, – долгое время серьёзно болела. И теперь ей необходимо отвлечься от компании престарелой мамыши и подростка племянника. – Она взглянула на соседний столик, где трое парней пили пиво, переговариваясь на русском матерном. – Нашим российским туристам я не доверяю.

Придерживая подол лёгкого платья, стремящегося показать всей Пьяченца идеальные ноги, Аня шутливо возмутилась, кивая на художника.

– А зубастому итальянскому обормоту доверяешь?

– Да, – без сомнения сказала мама. – Я хочу твой портрет, и даже согласна за него заплатить. Милый Юрий... Переведите, пожалуйста, темпераментному художнику, что Анна будет ему позировать, начиная с сегодняшнего дня. Пусть забирает дочку, только пусть оставит телефон.

Не меня приветливого выражения лица, Юрий Владимирович перевёл и чуть повернулся к Валерии Николаевне.

– Я перевёл, но вы уверены...

– Я уверена. Мою Аню нельзя обидеть.

Обернувшись всем телом, Юрий Владимирович заглянул Анне в глаза и увидел в них мудрость взрослого человека, одновременно с жадной приключений.

– Верю.

– Хорошо. – Аня встала, поправила лёгкую юбку платья. – Раз уж меня родная мама сосватала на позирование, так зачем тянуть.

Обрадованный художник взмахнул рукой, тут же напротив тормознуло такси, и перед Аней открылась дверца автомобиля...

Глядя в окно такси Аня восхищалась домами древнего города. Ветер доносил запахи цветущих олив, растущих на тротуарах и в маленьких садиках между домами. В старой части горда на балконах сушилось бельё и подушки, зеленели плети плющей, ползущие по стенам. Из открытых окон улыбались любопытные итальянки.

Так странно, что она сейчас здесь, в Италии, а не в промёрзшей Москве и тем более не в Посёлке Топь, в котором провела почти пять лет. Вряд ли кому ещё приходилось пережить столько странного, сколько ей.

Глава 4

Посёлок Топь остался там, в России, в далёкой якутской лесотундре.

Пять с половиной лет назад Анна уехала из Москвы за своим мужем Григорием.

Григорий Лебедев служил начальником охраны в особой Зоне Топь. Приехав в отпуск к родной сестре Наташе в Москву он, неожиданно для всех, и особенно для себя, женился на дурнушке Ане, которая умудрилась попасть под колёса его автомобиля, когда Гриша и свояк Паша возвращались утром из казино.

На Ане он женился, в первую очередь из желания видеть рядом собственную женщину. А ещё она была хорошо образована, интересна как собеседник, из семьи научных работников – папа, между прочим, академик, – но главное и самое важное – была влюблена в него без памяти.

Зона Топь располагалась над месторождением радиоактивной руды. В Зону для работы в шахте переправлялись осуждённые, на пожизненное заключение, то есть с отсрочкой смертной казни. Долго в Зоне Топь «контингент» не выживал. Лечить их было экономически невыгодно.

На большинство людей радиация оказывает отрицательное воздействие, с Аней произошло чудо. В Посёлок Топь она приехала ростом метр пятьдесят восемь и весом в сорок пять килограммов. Плохая кожа и мальчишеская фигура не прибавляли обаяния. За первый год она выросла на семь сантиметров, пополнела и обрела фигуру Венеры. Григорий влюбился в собственную жену и ревновал ко всем подряд. И зря, Анна любила только его.

А потом случилось несчастье. Григорий, на которого местные отклонения действовали отрицательно, заглушал свой страх водкой и коньяком. Однажды он сильно напился и замёрз снегу, по дороге в три километра домой, из Зоны, в Посёлок. И тогда, оставшись без его защиты, Анна попала в лабораторию Аристарха Кирилловича.

В Лаборатории Зоны исследовали влияние радиации на «организмы контингента», так здесь называли заключённых.

Начальник и фактический владелец Зоны и Посёлка Топь, Аристарх Кириллович Лоретов, решил исследовать феномен Анны. Она не просто выросла и похорошела, у неё кардинально изменился состав крови и вообще всего организма. Каждая клетка тела стала лекарством для любого другого человека. Бесценной. Её кровь могла излечить смертельно больного, её пот мог омолодить кожу безнадежной старухи.

Такие феномены случались в истории человечества, но не часто, и на современном уровне ещё не изучались.

Аристарх обманом заманил Анну в секретную лабораторию, и продержал там полгода, испытывая все значимые лекарства. От аспирина и викасола, до антибиотиков, наркотиков и антидепрессантов.

Прошлой осенью этот ужас закончился. Ане удалось сбежать из Топи. В пути она познакомилась с молодой женщиной Машей, ставшей ей близкой подругой.

Теперь она с любимой мамой и Вовкой, племянником покойного мужа, путешествовала по весенней Италии, и у неё начиналось любовное приключение. Понятно, что мама нарочно отправила её с художником – знает, что больше года у дочери не было ни романтических отношений, ни мужчины вообще.

Пусть будет приключение. А завтра ночью она возвращается домой, в Москву.

Глава 5

Тетка Полина решила, что её любимой Хавронье, в которую она вложила столько денег, пора приносить прибыль, то есть поросят.

Хавронья была куплена «по случаю». Везли в Москву десять голландских хрюшек для выставки, а одна приболела. Её оставили в ветеринарной клинике в Волоколамске, на случай либо выздоровления, либо списания.

Именно в этот день тётка Полина приехала в клинику кастрировать своего сошедшего с ума от любвиобильности кота, с «редким» именем Вася.

Вдовой тётке Полине было жалко мужской силы Василия, но уж очень сильно он орал ночами во дворе и рвал обои в доме. В большой комнате, которую тётка Полина по привычке называла «залой», кот умудрился сорвать со стены ковёр.

В ветеринарной клинике Полина ещё оплачивала дорогущую, по её мнению, операцию, а Василий уже лежал в операционной без существенной детали тела.

Получая из рук медсестры полусонного кота, тётка Полина заметила, как уборщица открыла кладовку, где на полу лежала хрюшка. Хавронья отличалась особой внешностью: вместо белёсой щетины – тёмно-рыжая шерсть, ресницы коричневые и умный взгляд.

– А кто это у вас? – Полина показала пальцем на кладовку. – Там?

– А уже ничего. Болеет она, простыла.

Акт о списании хрюшки был уже подписан. Медсестра с врачом считали, по сколько выручат за мясо на рыке. С детства работая на свиноферме, тётка Полина сразу оценила чего стоит лежащая на полу свинья.

– Так я ж её выхожу. Я ж о такой хрюшке всю жизнь мечтала. Породу хочу разводить.

Вышедший из операционной врач переглянулся с медсестрой. Второй день от забоя свиных ветеринаров останавливала медицинская этика. Мясо-мясом, но свиношкa была уж очень хороша. Да ещё с паспортом.

– У тебя деньги-то есть? – Спросила Полину медсестра. – Остались после кастрации кота у тебя деньги?

Посмотрев на потолок, затем на свинью, лежащую в углу кладовки, тётка Полина всё-таки решилась.

Расстегнув пальто, затем вязаную кофту, через ворот тёплого платья она залезла за пазуху. Пошуровав в бюстгальтере, Полина вытащила клеёнчатый кошелёчек с металлическим замочком с пимпочками. Лет двадцать такому кошелёчку. Как он смог сохраниться, да ещё на жаркой груди хозяйственной тётки, науке ещё изучать и изучать.

В кошелёчке были спрятаны «подкожные». Не значка, рассованная между страницами четвёртого тома собраний сочинений Антона Павловича Чехова, и не сбережения, лежащие под процентами в банке, а именно «подкожные», с которыми хозяйка расставалась только в бане. Четыре бумажки по пятьдесят долларов.

– Двести. Последние. – Тётка Полина просительно улыбнулась, сначала врачу, затем медсестре и, на всякий случай, уборщице.

Врач сдался первым. Умертвлять, а затем резать свинью ему не хотелось. Медсестра тут же с ним согласилась и ловко выдернула четыре купюры из кулака тётки Полины.

– Мы тебе выдадим лекарства, выходишь, если есть опыт.

То есть Хавронью спасла красота.

В деревне Полины каждый пришел посмотреть на Хавронью. Не ленились приводить приезжающих в гости родственников.

Породниться с Хавроньей желали три семьи, сдержанно, но настойчиво расхваливая своих хряков. Денег за случку брать не желали, только потомство.

Боясь конкуренции, с левого конца деревни пришла в гости кума Ирина. Она начала с главного – выставила на стол тётки Полины не самогон, а настоящую водку и жареную курицу под закуску. Через полчаса плотного ужина завела неспешный разговор.

– Твоя Хавронья дама голландская, морозоустойчивая, будет приносить по шесть-восемь наилучших поросят, что дорогого стоит. Это я, Полина, понимаю. Но ведь и у моего Борьки приличная родословная. Ихненное потомство запросто дипломы на выставках получают, следовательно, мы будем работать только на рестораны и устроим собственную свиноферму.

Тётке Полине и высказанное уважение, и коммерческое предложение понравились. Сговорились соорудить «покрытие» завтра же, ближе к обеду.

Глава 6

Садясь в машину, я услышала перезвон телефона.

– Алло. – Одной рукой я взяла телефон, другой достала косметичку.

– Манька! – Рывкнул в трубку голос брата. – Ты охренела? Ты почему, бляха муха, не звонила?

– Толя, милый, прости, отключила вечером телефон и забыла. Так устала вечером, что сняла номер в гостинице, объелась ужином и уснула.

– Объелась? – Толик помолчал. Он у меня ростом метр семьдесят два и столько же в плечах. Качает железо и очень следит за диетой, считая, что лучше переест, чем недоест. – Тогда понятно. Отобрала товар?

– Уже оплатила, еду из банка и заскочила в магазин, купила тебе пальто и носки, а себе новую ночнушку и всем мелкие подарки. Как самочувствие, как дела в магазине?

– Осталось два обогревателя и так, по мелочи.

– Не боись. – Я завела мотор и осторожно вырулила с платной стоянки. – Товар обещали доставить сегодня же. Как там Кирилл и Данила?

– Мы все тут вя... вкальваем... – Голос Толика отвлёкся. – ...Тот обогреватель мощнее и разница всего в пятьсот рублей, идите, оплачивайте, а то и его заберут... Алло, Маня! Мы все тут, в магазине! Я Кирилл и Даник. В доме холодно. Ты подумала на счёт домработницы?

– Конечно. – Я перестроилась в третий ряд. – Толик, из деревни к нам никакая работница не наедится, а из дачного посёлка никто не пойдёт, там люди богатые. Нужно брать работницу на проживание в магазине. А если я с ней не уживусь?

– Ты ни с кем не уживешься, Машка. Ладно, ждём тебя.

* * *

Утром Жора прислонился лбом к оконному стеклу. Вон она его надежда на лучшее будущее, выруливает, со стоянки на серебристом «Лексусе».

Уехала возможность. Теперь придётся по морозу тащиться домой, отсыпаться, а вечером опять прислуживать за столами. Стекло леденило лоб.

Жора думал о своей ненависти к нищете. Был, был у него шанс, но он его просрал.

И что теперь? Чего он ждёт? Если хорошенько подумать... Неужели он не уговорит Машу дать ему возможность переговорить с Анной с её подругой, а через неё узнать телефон Топи? Сможет! Адрес Маши есть в гостинице, оформляли на проживание по паспорту. Бегом!

Жора быстро дошел до директора, наплёл ему про заболевшую бабушку, и помчался.

Он сбежал по лестнице, захватил дублёнку и выскочил на улицу, забыв переменить лаковые туфли на зимние сапоги.

Его синяя «Мазда» согрелась довольно быстро, и он погнал машину на Волоколамскую трассу.

Глава 7

В такси Луиджи сидел в полуметре от Ани, улыбался своим мыслям. Минут через десять такси въехало в тесный дворик.

Таксист, принимая деньги, сворачивал голову в сторону Ани и экспрессивно орал «белиссимо» и «меравигиосо»! Луиджи водителя не слушал, открыл дверцу, взял Анну за руку и помог выйти из автомобиля.

Студия оказалась просторным помещением на третьем этаже старого дома, со стеклянной крышей и белыми стенами.

На деревянных стеллажах, прижатые плотно друг к другу, стояли десятки картин.

Анну Луиджи посадил на белый куб. Жестами показал снятие одежды. Анна раздевалась без ненужного жеманства. Луиджи дал ей прозрачный шарф и закрепил его медной римской брошью на левом плече, оголив правую грудь.

Полулежать, пришлось часа три. Больше Анна не выдержала. Встала, обошла удивлённого художника и посмотрела на мольберт. Набросок был хорош. Анна понравилась сама себе. В наброске были лето и страсть.

Не раздумывая, Анна расколола брошь, и шарф упал на пол. Луиджи правильно понял её желание, и они занялись любовью прямо на полу, на прозрачном шарфике. Совсем не стыдно и приятно.

После душа, Анна опять забралась на куб и просидела ещё два часа.

Теперь не выдержал Луиджи. Он, с изменившимися от желания глазами, накинута на неё прямо на кубе. С удовольствием Анна ощутила его в себе.

Минут через двадцать, после душа и нескончаемых восхищённых тирад, она оделась и попросила проводить до такси.

Луиджи суетился, улыбался, долго не отпускал её руку, даже когда она села в такси, и показывал на своём сотовом цифру 10.00. Анна ничего не ответила.

Мама ждала её, сидя в кресле на балконе номера гостиницы. Завидев, побежала открывать дверь.

– Ну, как? – Спросила Валерия Николаевну дочь, как только она вошла в номер. – Ты мне честно скажи, не я зря тебя к нему отправила?

– Не зря. Хочу есть и спать.

– Тогда действительно не зря. – Заулыбалась мама. – Сейчас позову Вовчика и – в ресторан!

На следующее утро Анна приехала к мастерской художника ровно в десять. Отпустив такси, она подняла голову и увидела в окне мансарды осунувшееся лицо Луиджи. Он чуть не вывалился из окна от радости.

Быстро сбежав вниз, Луиджи прямо на улице начал орать что-то восхищённое, целовать её руки и лицо. В окнах соседних домов показались любопытные соседи – и мужчины, и женщины. Не обращая на них внимания, Луиджи стал тыкать в дисплей своего телефона, в цифру 10.00. Аня достала свой телефон и показала ему время.

Схватившись за голову, Луиджи стал указывать на две буквы в правом верхнем углу дисплея. Оказывается, он ждал Аню вчера в десять вечера. Сказав «сорри», немного обиженная Анна повернулась и пошла в сторону ближайшей широкой улицы, где ездило больше машин. Вопль Луиджи заставил её подпрыгнуть. Схватив Анну за руку, Луиджи силой потащил её в подъезд и не отпускал, пока они не поднялись на третий этаж.

Сначала они занимались любовью на незамеченном ею вчера диване, затем в душе, а потом Аня попросила перерыв. Три часа она отдыхала на кубе, с шарфиком на плече, позируя, а затем тут же занималась любовью с Луиджи.

И вдруг ей резко надело подобное занятие сексом: когда она не понимает ни слова из разговора партнёра. Внезапно она заметила, как назойливо громко он говорит, слишком сильно её обнимает, и слишком часто дышит. Анна быстро оделась, показала жестами «хватит», двадцать раз повторила «Ноу!» и вылетела на улицу.

Такси поймала тут же и благополучно доехала до гостиницы.

После обеда Валерия Николаевна, Вовчик и Анна сели в автобус на Рим. Провожающий их Юрий Владимирович махал рукой, глядя только на маму. Напоследок он показал на телефон и тут же раздался звонок у Валерии.

– Мы уже обо всём договорились, Юра. – Мама счастливо улыбалась. – Прилетишь в Россию, встретимся и поговорим. Извини, сейчас неудобно.

А вечером они все летели в Москву. В самолёте Володя просматривал фотографии в смартфоне, Аня спала, Валерия Николаевна мечтательно смотрела на облака за бортом.

Глава 8

Хряка во двор Полине привезли в час дня.

Из прицепа к Жигулям, Ирина и её муж Коля, с гордостью вывели розового кабанчика, килограммов на двести. Оценив параметры Борьки, тётка Полина благосклонно кивнула, разрешая доступ к телу своей любимицы.

Делегация направилась к дощатому сараю, выкрашенному в весёленький гочично-говнистый цвет.

Свинюшка Хавронья моргала коричневыми ресницами небольших глазок и с ужасом смотрела на здорового кабана, который тут же стал деловито к ней принюхиваться. Хавронья широким задом вжалась в стенку утеплённого сарайчика, решив не сдаваться розовому нахалу.

Прошел час, другой. Наблюдатели, пристроившись на сене в углу, уже допили первую бутылку самогона и закусили сальцем от родственника Борьки, а Хавронья всё не подпускала к себе ухажёра, борясь за девичью честь.

Она уворачивалась, прыгала и рычала, выставя немалые клыки. При очередном манёвре хрюшка снесла боковую перегородку. Начала трещать задняя стенка сарая.

Ирина толкнула в бок супруга и тот, перестав рассматривать грязные ногти, предложил помочь созданию семейных отношений. То есть подержать Хавронью, пока к ней пристроится хряк.

Полина, глядя любимице в глаза, начала уговаривать любимицу, объясняя, что с девственностью всё равно придется расставаться, так уж лучше под руководством опытных людей, да с хорошим мальчиком, чем не пойми с кем и на чужом дворе.

Хавронья внимательно слушала хозяйку, иногда повизгивая, но, вильнув мощным задом, хряка к себе не допускала. Двухсоткилограммовому «мальчику» надоело уговаривать «девушку», и он пошел гулять по сараю. Хавронья от усталости завалилась на бок, отдыхая.

Обойдя по периметру сарай и сожрав попавшуюся на пути горку моркови, апельсиновые очистки и старый шерстяной шарф, хряк решил, что он отдохнул, перекусил, и пора заняться любовью. Он рванул к невесте с новыми силами.

Хавронья снова шарахнулась к задней стенке сарая, надавила задом и стенка проломилась под её стапятидесятью килограммами. А хряк всё наседал, норовя выказать скопившуюся страсть, отчего Хавронья вывалилась во двор. Пробуксовав в снегу посередине двора, она рванула на полной скорости в сторону дороги, скользя копытцами по замерзшим лужам... Хряк припустил за ней.

На такие мелочи, как заборы, люди, кусты, или автомобили ни перепуганная Хавронья, ни воспылавший любовью хряк Борька, внимания не обращали.

За двумя дипломированными свиньями с озабоченным видом бежала тётка Полина, кума Ирина и её супруг Колян, на ходу открыв вторую поллитру и хлебнув самогонки.

Глава 9

Немного было мутновато в голове от недосыпа из-за ночного разговора с Жорой, слегка подташнивало и очень хотелось пить, но я твёрдо вела машину по Волоколамке, надеясь до вечера добраться до дома.

В глазах слегка мерцали и рябили пейзажи за ветровым стеклом, но я надеялась, что справлюсь...

Сразу перед Волоколамском ожил сотовый телефон. Сначала я поговорила с братом, он очень переживал из-за возможного опоздания купленного товара. Следующий звонок был от мамы, она радовалась скорому потеплению. Кирилл позвонить не соизволил, видимо, не сомневаясь в моём скором появлении и в том, что я не изменю ему «никогда», то есть в ближайšie лет десять.

Меня опять начали грызть пираньи ревности... Но Судьба на свете есть, настроение изменилось. Позвонила моя любимая подруга Аня! Как только приземлилась в Шереметьево, так сразу набрала мой телефон. Голос Анны обещал интересные рассказы и сувениры, и я решилась.

– Аня, так соскучилась по тебе. Хочешь, я развернусь, подхвачу тебя в аэропорту, маму и Вовку в Твери и отвезу домой?

– Если тебе не трудно, – как всегда тоном английской леди, начала благодарить Аня...

Радуюсь скорой встрече, я начала тормозить, готовясь к развороту... и это спасло мне жизнь. Глазам своим не поверила, когда из оврага дороги, слева, под колеса моего «Лексуса» метнулась огромная коричневая туша.

Я крикнула в телефон: «Аня! Чёрт!» и подпрыгнула, нажимая на тормоза, но поздно. Сильнейший удар заставил вильнуть машину вправо, руль дёрнулся, и два пальца левой руки щёлкнули нестерпимой болью. И, может быть, обошлось бы без дальнейших осложнений, но непонятно откуда выскочил огромный розовый свин, и второй удар снёс машину в овраг.

Машина упала на правую сторону, и, свалившись с дороги, перевернулась. Крыша и пол поменялись местами, окна залепило снегом. Сиденье сдвинулось со своего места и вжало ноги в живот. Руль ударил меня в лицо.

Я теряла сознание и захлёбывалась собственной кровью.

Тётка Полина кинулась к Хавронье, отлетевшей за край дороги в глубокий сугроб, и бросилась на неё сверху, проверяя пульс. Свинюшка смотрела на хозяйку страдающими глазами и, подхрюкивая просила помощи. Тётка Полина сняла с себя тёплый пуховой платок и накрыла им Хавронью, подталкивая края под бока.

– Потерпи моя девочка. Чуть-чуть потерпи.

Хряк Борька остался на асфальте, пытался встать, вертя налитыми кровью глазами, Ира бегала вокруг свина на два центнера, причитая: «Маленький мой! Живой мой мальчик!»

Отбросив бутылку Колян в два прыжка спустился с дороги. Серебристый «Лексус» лежал колёсами вверх среди девственного белого поля, наполовину утонув в сугробе. К машине вела утрамбованная крышей автомобиля дорога умятого снега. Колёса «Лексуса» ещё крутились.

Обошев машину Колян счистил с треснувшего лобового стекла снег. Изнутри по стеклу стекала клякса крови. Сильно дернув дверцу со стороны водителя, он сделал шаг назад, на всякий случай. В машине сидела зажатая сиденьем молодая женщина. Лицо залито кровью, в правой руке зажат телефон. Ремень безопасности спас ей жизнь, иначе вылетела бы из автомобиля.

С дороги сбегали Полина и Ирина.

– Что там, Коля? Жив шофёр?

Николай разжал послушные пальцы пострадавшей, в телефонной трубке настойчиво спрашивал женский голос: «Алло, алло, Маша, Маша... Алло... кто-нибудь ответит?» Мужчина поднёс телефон к уху.

– Алло. Это Николай. На серебристом «Лексусе» ваша знакомая?

– Да, моя подруга Маша, – голос в трубке дрожал тревогой.

– В аварию попала ваша подруга, – Николай шмыгнул носом, – в хреновую.

– Она жива?

– Так не понятно ещё. Подождите. – Просунув руку, Коля отстегнул ремень безопасности, и молодая женщина кулём вывалилась на снег. – Вот, лежит в снегу, лицо в крови. Господи, где ж, блин горелый, они тут пульс шупают?

– Николай. – Голос Анны стал спокойным. – Вы сначала продиктуйте мне адрес аварии, а затем постарайтесь положить Машу обратно в машину. На улице минус пятнадцать, в снегу она замёрзнет. И сразу звоните в «скорую» и в ГАИ. Я приеду через полчаса.

– Понял, не дурак деревенский.

Несмотря на то, что его колотило от холода и нервного потрясения, Колян толково объяснил, на каком километре машина потерпела аварию и дал привязку к местности.

Следующие звонки он так же сделал быстро и вразумительно, зная, что его голос записывается и на «скорой» и в полиции. Времени, чтобы обезопасить себя от большого срока, оставалось мало.

Обе кумы, не переставая плакать топтались на снегу, оглядываясь по сторонам.

– Очнись, зараза. – Коля толкнул жену в спину, – Тётка Полина, оттащи пострадавшую хрюшку на метр в сторону. Ира, кончай реветь, а то врежу! Мы толкаем машину! Слышите? Надо поставить её на колёса.

– Нас посадят! – редела в голос жена.

– Толкаем на счёт три, Ира! – Для приведения жены в чувство, он дал ей весомый подзатыльник. Помогло.

Пострадавшую молодую женщину оттащили в сугроб, стараясь не измазаться в крови.

Затем они втроём уперлись в бок машины, и Коля напряжением собственных рук понял, насколько разнятся по весу «пятерка Жигулей» и «Лексус». И фиг бы они поставили машину на колёса, но случилось чудо, машина перевернулась.

Глава 10

«Лексус» Маши обогнал Жору перед Волоколамском и почти скрылся из вида, но вдруг стал притормаживать. Через полминуты на трассу выскочила сумасшедшая коричневая свинья и со всей дури влетела в бок машины. «Лексус» вильнул, но устоял на дороге. Хрюшка, визжа, скатилась в придорожный овраг.

Преследующий свинюшку толстый хряк, видимо, принял автомобиль за соперника и пошел на сознательный таран.

На глазах Жоры «Лексус» чуть подпрыгнул, найдя устойчивость, но правые колёса крутились в пустоте кювета. Автомобиль съехал с трассы. Начав движение в поле, он перевернулся и, упав на крышу, проехал несколько метров, утрамбовывая снег в белом пустом поле.

Розовый кабан остался на дороге, тупо мотая огромной мордой. Затем медленно свалился на бок.

Жора притормозил, не веря в происходящее.

Метрах в пятидесяти перед его капотом дорогу перебежал деревенский мужик. Вслед за ним две тётки. Одна обшупала кабанчика на дороге, другая кинулась в овраг, причитать над коричневой хрюшкой. Затем обе побежали к перевёрнутой машине.

Жорину «Мазду» протащило несколько метров по обледенелой дороге, и она чудом не наехала на кабанчика, остановившись у самого его хвоста.

Оценив обстановку, Жора выскочил из машины и бегом спустился в снежное поле.

Мужик в тулупе и особенно ревушая около него женщина, обрадовались ему как родному.

– Ой, парень, да нам тебя сам Бог послал! Помоги машину на ноги поставить и девушку в неё перетащить.

В минуту они перевернули машину, разложили сидения и уложили внутрь Машу.

Перед тем, как захлопнуть дверцу «Лексуса», мужчина поставил печку на самую большую мощность, но, видимо из-за удара, печка работала слабо. Женщины уселись на переднее сидение.

Стоять среди поля по колена в снегу, с холодеющими ногами в лакированных ботинках для ресторанного зала, было бессмысленно. Мужчины выбрались на дорогу и стояли с запачканными в крови руками. Оба вытерли руки об колючий снег сугроба. Коля протянул правую для знакомства.

– Колян, адрицкая сила, ну и холодрыга.

– Жора. – Он пожал протянутую мокрую руку со стекающей розовой, от смывтой крови, водой. – Сейчас бы выпить.

– И я про то же, блин горелый.

Переглядываясь, мужчины стряхивали снег с брюк. Жора решил не упускать случая остаться рядом с Машей.

– Показания всё равно давать придётся... и холодно. Я бы выпил, деньги есть. Только как я потом за руль сяду?

Облегчённо вздохнув, Колян закурил «Яву» из мягкой пачки.

– Мужик да ты ж помог женщину от смерти спасти... надеюсь. – Он перекрестился. – Не оставь нас в милости своей, Господи... А тут такой случай... Короче... мой это кабанчик. – Коля кивнул на Борьку, старающегося встать. – На развод держу. И надо его срочно отвезти с дороги, иначе и я, и жена моя, и кума, все пойдём под статью с этими... с отягчающими. Ты, Жора, как видно, нормальный мужик. Ты это, заночуй у нас. Мы тебя как дорого гостя встретим-приветим... если ты не спешишь никуда.

– Не спешу, – твёрдо ответил Жора. – Какая помощь нужна?

Им навстречу нетвердой походкой брёл хряк Борька. Колян поманил его и погладил по загривку.

– Выжил, Борька-скотника. Короче, увезти его надо. Тут недалеко, – Колян замахал руками, показывая, куда именно ехать. – С полкилометра будет.

Колян обжег пальцы скуренным бычком и тут же достал новую сигарету. Жора пошевелил мокрыми пальцами, и Коля выдал и ему сигарету. Закурили. Жора сделал две затяжки, откинул бычок.

– Поехали. Грузи своего хряка на заднее сидение. Не выскочит?

– Не должен. Он привык по бабам ездить.

– Мне бы так.

Проезжающие мимо аварии машины снижали скорость. Коля, вертя руками, показывал им, чтобы проезжали, что всё нормально. И водители, сочувственно улыбаясь, с лёгким сердцем ехали дальше.

Но одна из машин с желтым гребешком на крыше, ехала целенаправленно к ним, и тормознула рядом.

Коля обернулся. Из такси вышла молодая женщина такого обаяния, что он невольно выкинул в снег дымящуюся сигарету, вытер руки о тулуп и поправил шапку. Женщина протянула руку.

– Здравствуйте, я Анна, мы с вами разговаривали по телефону. Где Маша?

– А тама. – Колян махнул рукой в сторону поля. И откуда только слова взялись? Он заговорил быстро, захлёбываясь слюной. – В «Лексусе» сидит жена моя, Ирка, и кума Полина. Подруга ваша в машине живая, только ранена... И как такое случилось, ума не приложу. Мы идём, а она, то есть машина, р-раз и подпрыгнула на кочке, а тут свинюшка машину боднула, и автомобиль полетел, туда, в снег. Хорошо, что снег, хорошо, что не летом, хорошо, что не насмерть. Мы все так переживаем, так переживаем... А меня Коля зовут...

Уставшую от перелёта, от волнения за Машу, Анну чуть пошатнула волна отчаянного вранья, исходящая от нервно говорящего мужчины.

– Что она жива, я знаю, чувствую. Скажите, Коля...

Аня, видя растерянность мужчины и непонятную причастность к произошедшему, чуть приподняла руку, добиваясь полного внимания.

Коля впервые в жизни ощутил, как морозный воздух обтёк его лицо, постепенно нагреваясь от тёплого, к горячему. Но это ещё было ничего, не так страшно, с похмелья и не такое бывает, а вот глаза, глаза приехавшей барышни, улыбались так понимающе, так приветливо... Твою мать! Не соврётся ей ничего!

– Скажите, Коля, а как всё на самом деле случилось?

– Гадом буду, простите нас, дураков грешных! Мы виноваты. Мы все! – Воздух у лица и вокруг горла Николая стать чуть прохладнее и появилась возможность вдохнуть полной грудью. Он заговорил спокойней и искренней. – Виноваты мы, но не на прямую. Короче, свадьбу мы сегодня свнячью делали, а они, скотины здоровенные, взяли, да и на дорогу сиганули. Сбили они, подругу вашу, то есть машину, сволочи хрюкающие.

Анну «отпустило». Она спускалась в снежное поле, увязая по колено, а местами, проваливаясь в междурыдья по самую середину бёдер. Спешила.

Стоя на дороге, Коля кричал ей вслед.

– В общем, «Скорую», полицию и ГАИ мы вызвали! Первую помощь, как смогли, оказали! Вы уж извините, за ради Бога, мы на десять минут отъедем! Договорились с Полиной, эта у которой невеста свинюшка, виноватой будет только её Хавронья, а мы своего жениха Борьку спрячем!

Аня не слушала, её беспокоил только серебристый автомобиль с кровавым пятном на ветровом стекле. Она отмахнулась на ходу.

– Делайте, что хотите...

Ты глянь! – Колян нагнулся и достал из сугроба бутылку мутной жидкости. – Не разбилась. – Я ж её, Жора, на автомате пробкой закрыл, не пролилась. Глотну глоточек.

Взболтнув самогонку, Колян встал «горнистом» и разом выпил полбутылки. После «глоточка» обтёр рукавом дублёнки горлышко бутылки и передал Жоре.

– Пей, а то сейчас совсем на морозе дуба дадим, блин горелый.

Не споря, Жора взял залапанную бутылку и быстро её допил. Самогоночка оказалось ядрёной, градусов в шестьдесят.

– Значит так, Колян, подтвердишь потом, при разборках с ГАИ, что сначала я был трезвый. Фиг с нею, с обивкой автомобиля, затаскивай на заднее сидение своего подростка.

Огромный свин, покачиваясь и мотая глупой головой, с которой медленно стекала струйка крови, преданно смотрел на хозяина. На открытую дверцу автомобиля среагировал правильно, сунул морду внутрь салона и ждал, когда его запихнут в машину. Жора одним пинком ноги вдавил его между сидениями.

Перед тем, как сесть за руль, Жора не удержался и посмотрел в сторону «Лексуса». Зрелище было необычным. Приехавшая Анна сняла шубу, бросила на снег. Достала из сумки одноразовый шприц, разорвала упаковку. Надела иглу и закатала рукав своего джемпера. Обе женщины в машине с испугом смотрели на неё.

Привычным движением Анна взяла у себя из вены левой руки кровь. Задрав штанину джинсов лежащей Маше и, оттянув носок, она ввела ловко проткнула кожу и ввела кровь.

Сев в машину, Жора снял шапку и вытер пот.

– Поверь, Колян, теперь девушка в машине выживет.

Глава 11

Я летела затылком вперёд по чёрному бездонному коридору с зыбкими стенами.

Постепенно уходило ощущение тела. Сначала ещё оставался затылок, затем только голова, а после осталась душа. Но вся она состояла из шести прозрачных оболочек вокруг седьмой, более плотной и тёмной. Душа занимала размер не то вселенной, не то бесконечно малой части микрона.

Впереди появился свет. Яркий до невозможности. Если бы у меня оставалось зрение, я бы ослепла.

Все ощущения изменились и умножились... Были видны звуки и слышен цвет.

«Была бы в добром здравии, сошла бы с ума» – запел Бирюзовый голосок внутри меня.

Белый свет нарастал, и вместе с ним нарастало ощущение полного понимания меня, для себя единственной. Понимания и прощения всех вольных и невольных грехов, которые теперь, перед невозможным ярким светом, оказались детским баловством. Осталось чувство всепрощения и бесконечной любви. И готовности принятия меня здесь, в вечной умности, отрешённости и счастья.

– Мне здесь хорошо, но у меня Данила. – Ощутила я своё слабое сопротивление обволакивающему меня счастью.

– Тебе ещё рано сюда, – пришел в голову не голос, а понимание этого выражения.

* * *

Взрыв... Белый больничный потолок сияющая операционная круглая лампа с четырьмя кругами.

– Очнулась. – Сказал невидимый женский голос.

– Я живая, – сказала я, и полились слёзы.

– Бормочет чего-то.

Надо мной склонилось лицо женщины в возрасте. Над верхней губой чернел пушок усиков, глаза внимательные, но холодные.

– Её в реанимацию, или сразу в палату?

Справа послышался женский профессионально-равнодушный голос.

– В реанимации холодно, топят плохо, она там окочурится, крови-то в ней совсем нету.

Везите в палату.

Простынь подо мной напряглась, и меня перенесли на твёрдое и холодное. «Каталка», – не сомневалась я.

– Одеял сверху побольше положите, штуки три, сейчас её начнёт трясти. – Беспокоилась за меня усатая медсестра.

Потолок операционной сменился на коридорный, и плыл надо мной. Навалилась боль. В лице, внизу живота, в пальцах левой руки.

– Болит, – пожаловалась я.

– Конечно, болит. – Отозвалась усатая медсестра. – С того света тебя вытащили, а этого без боли не бывает.

– Пальцы... левая... – Я, как смогла, подняла руку.

– Останови, – сказала медсестра кому-то мне не видимому.

Медсестра осторожно подхватила мою руку. Кисть опухла и посинела, мизинец и безымянный пальцы неестественно загнулись в сторону.

– У неё ещё и пальцы сломаны. Проморгали, пока операцию делали – рожу на место ставили и кровь останавливали.

– Вызывай заново травму, пусть прямо в палате гипсуют, потом разберёмся...

Медсестра опустила мою руку, она ударилась о край каталки и от боли я потеряла сознание.

Очнулась в палате. В сгибах обеих рук тупо болели вены от воткнутых толстых игл, от которых отходили прозрачные тонкие шланги к стойкам капельниц. На левой капельнице висел пластиковый пакет с кровью. На правой, в круглых гнёздах, горлышком вниз, стояли две пухлятые медицинские бутылки с прозрачным раствором.

Обе руки занемели, но я боялась пошевелиться.

Первый раз в жизни я лежала под капельницей. Иглы в венах и катетер, вставленный между ног, создавали ощущения малоприятные, но успокаивающие.

«Стоят капельницы, значит, живая, значит, медицина пока заботится о брэнном теле», – по-своему грубовато успокаивал оранжевый голос.

На кисти левой руки белел гипс. Из кругляша от запястья ладони торчали первые фаланги пальцев с обломанными ногтями... «Некрасиво», – пожаловался Бирюзовый голосок. «Как же мне больно!» – завыл Болотный зануда.

И ещё болело всё лицо. Нос и скулы стягивала грубая гипсовая маска. Было трудно дышать. Во рту пересохло и хотелось пить.

Как смогла, я оглядела просторную палату на шесть коек. Кроме моей, было занято две кровати. На одной сидела молоденькая девушка, с любопытством глядевшая на меня, а на второй спала... Анна.

Девушка, заметив мой взгляд, похлопала по соседней с ней кровати.

– Аня. Аня! Она очнулась.

Открыв сонные глаза, Анна сладко потянулась и улыбнулась мне. Не спеша встала с кровати, достала из тумбочки резиновый жгут и шприц, кубиков на пять, перетянула свою руку, забрала из вены в шприц кровь и подошла к моей капельнице. Не успела я задать вопрос, как она вкатила мне в пакет в капельницу с физиологическим раствором свою дозу крови.

– Пить, – прошептала я.

Взяв с больничной тумбочки плоскую кружку с носиком Анна напоила меня разбавленным апельсиновым соком. Нектар богов! Поправив одеяло, она села на соседнюю пустую кровать.

– С врачами я договорилась, представилась им твоей сводной сестрой, буду лежать рядом.

– А что со мной было? – еле проговорила я.

– Автомобильная авария, Манечка. Тебя сбили две породистые свиноушки.

Хотелось улыбнуться в ответ на улыбку Ани, но не получилось.

– А моя машина?

– Машина во дворе тётки Полины. – Аня встала с кровати, подошла к раковине в палате и стала умываться. – Тётка Полина, эта та женщина, хрюшка которой тебя сбила. Полина с твоего автомобиля пылинки сдувает. Машину привели в порядок. А я за тобой присмотрю.

– Она за всеми присматривает. – Девушка с соседней кровати привстала. – Она даже свинье, той самой Хавронье, свою кровь ввела. Тётка Полина с утра уже молока принесла и домашней колбасы. Молится за вас. А меня Ниной зовут.

В данный момент мне было по фигуре, как зовут соседку, мне просто хотелось выжить, но вежливость заставила проговорить:

– Очень приятно, я Маша.

Слишком много информации для усталого мозга. Глаза закрылись, и я заснула.

Вечером проснулась, вспоминая фразу, сказанную усатенькой медсестрой: «Вызывай травму...»

– Я где?

– Ты в гинекологии, – ответил голос Анны. – И ты выздоравливаешь.

Анна наклонилась надо мной. У неё поразительный голос. Слышишь его и безоговорочно веришь.

– Это хорошо... Но почему гинекология?

– У тебя сломан нос, два пальца левой руки, ушиб и смещение костей черепа, сильнейшее сотрясение мозга, трещины рёбер... и выкидыш. Восемь недель. Было сильное кровотечение.

Я тут же почувствовала тянущую боль внизу живота.

– Болит. – Я заплакала. Не от боли, от обиды.

– Ещё бы. Ты спи. Моя кровь и сон тебя вылечат. Спи, спи, спи...

Анна поглаживала моё плечо, и сон мягко пробрался в голову.

Самостоятельно посетить туалет я смогла через три дня. Шла по коридору, пугая дежурную медсестру и пациентов своей бледностью и дорогой ночнушкой.

В тот же день мне сняли с лица гипсовую маску. Такое отразилось в зеркале! Опухлость и чёрные оттенки, идущие от носа к вискам и к подбородку. Аня немедленно сняла зеркало, висящее над умывальником, и вручила его Ниночке.

– Держи, тебе оно нужнее.

Врачи удивлялись моему гемоглобину, повышающемуся с каждым днём на несколько единиц, и синяк в пол лица рассасывался быстрее обычного.

За три дня нахождения в сельской больнице на пятнадцать коек, я побила рекорд посещаемости.

Первыми примчались мама с папой-отчимом, но, слава Богу, без Данилы. Он мог бы испугаться. Мама смотрела на меня, еле сдерживая рыдания. Но на мой вопрос: «Как я выгляжу?», отвечала: «Всё нормально. Пройдёт время и будет всё нормально». Затем я слышала её фразу, сказанную отчиму в коридоре.

– Если кости на лице срастутся неправильно, положим её в платную косметологию.

Борис Иванович, у которого кроме меня и Толика, детей нет, высморкался, сдерживая слёзы и гундосо ответил:

– Мы для неё всё сделаем, лишь бы выжила.

Мама донимала врачей расспросами, закупала лекарства для меня и подарки для медперсонала. Папа Боря, не теряя времени на мелочи, купил широченный телевизор и с помощью усатой медсестры Валентины, оглядывающей телевизор взглядом собственника, установил на обеденном столе в нашей палате.

Приезжала Анина мама, Валерия Николаевна. Пряча глаза, охала, глядя на меня, и целовала дочь, когда Аня делилась со мной кровью.

Брат приезжал через день. Первый раз вместе с Кириллом, а после один. Отговорился, что Кирюха сидит с Данилой. Но я не сомневалась, Кирилл не очень хотел меня видеть. И из-за потерянного ребёнка, который держал его около меня, и из-за моей аварийной внешности.

Толик в первый приезд, сдерживая слезы, проконсультировался с врачом, и та объяснила какие продукты поднимают гемоглобин, а какие помогают восстановить кровяную клеточную ткань. Из всего перечисленного Толик лучше всего запомнил три названия – яблоки, кагор, чёрная икра.

Через два часа, в углу палаты стоял ящик с двенадцатью бутылками кагора и небольшой мешок с пятью килограммами красных яблок. В задрипаном, но хорошо отмытом холодильнике палаты, красовалась двухсотграммовая банка чёрной икры.

Все навещающие приносили по два-три пакет продуктов. Их складывали в углу, в скромный больничный холодильник не влезала даже третья часть.

Во второе посещение Толик притащил из нашего магазина двухметровый холодильник и официально перевёл его на баланс медицинского учреждения в качестве спонсорской помощи.

Соседка по палате Ниночка перепробовала всё, что приносили нам с Аней, и вслух выдавала комментарии. Оказывается, она никогда не видела авокадо, не ела тигровых креветок, улиток и чёрной икры.

После поедания деликатесов она чувствовала себя обязанной и старалась ухаживать за мной. Выстирала мои куртку, джинсы и нижнее бельё, залитые кровью. Я ей не мешала, хотя объясняла, что не стоит этого делать, всё равно после выписки всё выкину. Но Ниночка не слушала и старательно готовила дополнительные блюда, отслеживая, чтобы большая часть из них досталась нам, а не остальным пациентам больницы и медперсоналу. Они не покушались только на чёрную икру, зато отрывались на кагоре.

В очередной приезд Толик забрал купленные мною в Москве подарки из багажника «Лексуса». Помочь перегрузить покупки из одной машины в другую вызвалась Ниночка. Когда она надела на свою стройную фигуру джинсы, короткую кофточку до пупка, а сверху подстреленный полушубок, стало понятно, почему она попала в гинекологию с микоразрывом яичника.

Мы заставили Нину надеть мой джемпер и Анину роскошную шубу. С джемпером Нина ещё покочевряжилась, но от соболиной шубы жемчужного оттенка, не отказалась.

После общения с моим квадратным братом, Нина вернулась в палату удивительно тихая и не разговорчивая, а вечером плакала в подушку. На следующий день Ниночка плохо ела, и все её разговоры сводились к Толику.

Пришлось ей рассказать, что мой папа бросил маму в мои четыре года. Уехал из города в родную деревню, где сошелся со своей «первой любовью», а точнее, вечной собутыльницей Люсей. Они родили Толика, моего сводного брата, и отдали мальчика на воспитание бабушке. Через пару лет у нашего отца и его собутыльницы не выдержала печень.

Когда маму подружки и знакомые спрашивали о папиных запоях, мама очень удивлялась.

– Какие запои? У него состояний, кроме как «упился в задницу» и «тяжкое похмелье», просто не бывало.

Когда Толику исполнилось пять лет, и он совсем отбился от рук, наша бабушка, Мария Матвеевна, приехала к нам, в Осташков и умолила маму взять Толика к себе. Так что в подростковом возрасте нас обоих воспитывала летом бабушка, а зимой моя мама и папа Боря, который влюбился в маму и стал нам отчимом.

Дети так не слушают сказки, как слушала Нина о моём повествовании о «милом Толике», которого знакомые, сдерживая рефлекторное сжатие кулаков, зовут «Толян грубиян».

И опять вечером Нина, выпроводив ужинающих у нас женщин из соседней палаты, ревела в подушку. Отвлекли её от саможаления странные хрюкающие звуки за окном. Приложив ладони к холодному стеклу, она внимательно вгляделась в темноту.

– Девочки, вы не поверите. Там свинья.

Аня, преодолев сонное состояние, поднялась с кровати и встала рядом с Ниной. Обе в красивых халатах, стройные, с тонкими талиями, затянутыми поясами смотрелись топ моделями, непонятно как попавшими в ободранную палату сельской больницы.

– Машка, там действительно сидит свинья, и я знаю, как её зовут. Это Хавронья, которая тебя сбила. – Аня отошла от окна и села на соседнюю со мной пустую кровать. – Симпатявая свинка. У неё бедной, были переломаны половина рёбер. И я не выдержала, вколола свою кровь. Она выжила, страдалница. Теперь её к нам тянет.

– И чего с ней делать? – Недоумённо спросила я.

– А ничего. – Анна перешла к своей кровати. – Всё само собой образуется.

* * *

За день до выписки, утром, сразу после завтрака, меня навестил незнакомый молодой мужчина – Жора. Он мял в руках пакет с продуктами и чуть не выронил его, когда в палату вошла Анна.

Обойдя его, Аня заглянула в его зажмуренные от испуга глаза.

– Это ты? Я так понимаю, ты за ней специально, – был кивок в мою сторону, – тащился из самой Москвы?

– Я? Да. Я ехал чтобы тебя... вас встретить. Хочу найти Леонида.

Аня улыбнулась светлой улыбкой.

– Лёнчик в клинике в Столбах. Можешь навестить.

– Да, я поеду к нему.

– Но не обижайся, если он тебя не узнает. Лёнчик до сих пор не в себе. Спасибо за помощь при аварии. Тётка Полина рассказала о тебе.

– Не за что. Вот тут печёнка жареная, от Иры, у которой муж Коля, у которых кабан Борька, который сбил...

– Спасибо. – Аня забрала пакет из рук Жоры.

А он топтался, оставляя мокрые следы растаявшего снега на полу. До сельских больниц пока не дошла привычка надевать на обувь пластиковые бахилы.

После того, как ободранная белая дверь закрылась за Жориком, наша соседка Ниночка начала хлюпать носом.

– Никогда, никогда мне не было так интересно. Возьмите меня с собой. Я в своей деревне с ума от скуки сойду, а ведь у меня бухгалтерский техникум, и готовлю я хорошо.

Я посмотрела на Аню, та слегка пожала плечами.

– Звони Толику.

– Правильно.

Я набрала номер брата и включила громкую связь. Ниночка наблюдала за мной, сцепив пальцы и шепча молитву.

– Алло, Толик, это я. Есть кандидатура девушки, согласилась жить в нашем доме и заниматься домашним хозяйством.

Слушая бурчание брата о том, что он запарился готовить два раза в день, но не нужна нам незнакомая тётка, которая будет торчать перед глазами круглые сутки, я заранее предчувствовала его реакцию на своё сообщение.

– К нам на работу просится Нина, соседка по палате. Помогала тебе мои вещи перегружать из машины в машину. Бухгалтер по образованию.

– Берём, – оживился Толик. – Я её прямо завтра заберу.

Отключив телефон, я сурово посмотрела на Ниночку.

– Но учти, все мужчины охотники. Помурьжь моего брата хотя бы неделю.

– Урра-а! – Заорала Ниночка и стала прыгать вокруг моей кровати. – Тогда я сейчас же начну собираться и паковать продукты.

– Продукты, – я погрозила ей пальцем, – мы оставим здесь, раздадим. Аня, как ты думаешь, Жора найдёт Лёнчика?

Аня удобнее застлала одеяло на своей кровати.

– Найдёт. Ой...

Аня неожиданно побледнела и села на кровать. Я сначала даже не испугалась. Аня не болела. Никогда. Она физически не могла заболеть, у неё по-другому устроен организм. И вдруг...

– Аня, а сколько ты влила в меня своей крови?

– Ужас сколько! Аж жуть берет! – Встряла Ниночка.

Я приподнялась с кровати.

– Аня! Да как ты ещё двигаешься?

Аня поманила пальцем, и я, встав с кровати, сделала несколько шагов к ней наклонилась.

– Мне нужно ехать в Зону Топь, – прошептала подруга, – иначе серьезно заболею.

Глава 12

Вернувшись из больницы в дом Коляна и Иры, Жора выставил на край стола бутылку водки и пакет магазинных котлет. Весь стол был засыпан шинкованной капустой.

Сидя в углу кухни, Колян тёр третий килограмм моркови, соорудив на деревянном табурете, застеленным пакетом, оранжевую горку. Ирина брала горсть тёртой моркови, кидала на свой стол в капусту, солила, жала её и укладывала в бочку, килограммов на двадцать. Между рядами капусты она прокладывала клюкву и резаную антоновку.

– Вишь, Жора, закуска-то кончилась, новую делаем. Как раз капуста витамин набрала, а сок не растеряла.

Коля первый обратил внимание на настроение Жоры.

– Чё такой смурной? Похмелье, или с работы позвонили?

Взяв щепоть свежесоленной капусты, Жора стал жадно её жевать.

– Всё, Коля, завтра съезжаю. Провёл у тебя отличные дни. Пора заняться делом.

Ирина, шинкующая новый кочан капусты, переглянулась с мужем.

Они на второй день поняли, что Жорик появился рядом с аварией не случайно.

Особых хлопот Жора не доставлял, жил в комнате сына, работавшим на Дальнем Востоке. В гости стали чаще заходить соседки, норовили задержаться допоздна, приносили пирожки и пирожные, заигрывали с гостем. На расспросы о семье Жора отвечал скупо – ни жены, ни детей. Колян сообщению об отъезде Жоры не обрадовался, нахмурился.

– Жалко, хорошо пожили, блин горелый. Я уж подумывал дом тебе в нашей деревне сторговать... Жаль. В ресторан свой вернёшься? – Коля положил в рот жменю моркови.

– Нет. – Жора сел за стол. – Халдеить больше не буду, надоело.

После ужина Жора лёг в кровать, стоящую у жаркой печи и задумался. Жизнь вела его к Леониду Тавренному.

В прошлом году Леонид появился во дворе дома Жорика и пригласил поехать вместе в Белоруссию. У него было особое задание от руководителя и владельца Зоны Топь, академика Аристарха Кирилловича. Нужно было привести в Топь детей. Особых, с отклонениями. Леонид обещал хорошо заплатить. Жорик и его приятель, вернее собутыльник, Сергей согласились.

Сергей остался в Москве ловить Аню, сбежавшую из Топи, а он и Леонид отправились в Белоруссию. Там они выкупили из детских домов двоих детей – Павлика и Танечку. Оба ребёнка были умственно отсталые, но Леонид чувствовал в них особый потенциал.

Жора знал о криминальности приключения, в которое влез, но он был искренно уверен в правоте своих действий. Они фактически спасали детей, давая им возможность справиться со своей болезнью.

Вот когда Леонид решил выкрасть ещё двоих детей, близнецов, из детского садика, но теперь уже из семьи, Жора отказался в этом участвовать. Тогда Леонид отправил Жору и Павлика с Танечкой в Посёлок Топь. Что произошло потом, никто до конца толком не понял. Знали только, что Анна и Маша помешали похитить близнецов.

Жора привёз в Топь детей в конце августа. Узнав о невозможности выехать из Посёлка по своей воле, Жора три дня пил, пока не стало скручивать руки, а сердце пропадать в аритмии. Ещё два дня он обливался потом, выходя из астенического синдрома. За ним ухаживали все новые знакомые. Аринай и Таня Толстопопик не уставали благодарить за обретенных детей.

Придя в себя, Жора бродил по посёлку, ходил за грибами, загорал на сопках. Жил он в комнате офицерского общежития с отдельным туалетом и душем.

Жора свыкся с мыслью о жизни в посёлке. Но! Для полного счастья ему не хватало правильного количества женщин. Правильно – это когда женщин на десять процентов больше,

чем мужчин. А в Топи соотношение было – один к двадцати. Двадцать женщин на четыреста с лишним мужиков и каждая мнила себя королевой.

Жизненная практика показывала, что через полгода воздержания двадцатипятилетний прапорщик начинал смотреть на любую женщину от пятнадцати до пятидесяти лет с позиции гормонального вектора.

Жора поселковым женщинам нравился, но каждая была «закреплена» за кем-то из офицеров и менять стабильность отношений на обаятельного «вруна и болтуна», не желала.

А ещё Жора стал скучать без работы. Это было новое, необычное чувство. В Москве он его ни разу не испытывал, а тут – на тебе, приспичило. У всех, буквально у всех были общие интересы. Обсуждались ЧП, сплетни, конфликты, а он весёлый и компанейский, оказался за бортом. Захотелось в гущу событий, в коллектив.

С работой Жору выручил случай. При пересчёте очередного поступления одноразового постельного белья, начальнику административно-хозяйственного отдела, Якову Котелевичу, доложили о пересортице. Вместо белых прямоугольных простыней прислали квадратные скатерти в желтых подсолнухах. На пятьдесят сантиметров короче стандартного размера и на тридцать шесть штук меньше. Хотя по сумме заказ сходил.

В момент выяснения математическо-бухгалтерской несурезицы на глаза Якову попался Жорик, который от скуки подыскивал на складе новые занавески на окна.

– Слышь, балагур! Что бы ты сделал в данном случае?

Жора развёл руками с двумя комплектами турецких штор, прикидываясь простачком.

– Так не молоко же просроченное. Обменял бы.

– А если они этот обмен затягивают на полгода и дешевле плюнуть на тридцать шесть комплектов?

– То есть как это? – Жора улыбался, не понимая сложности вопроса. – Вы крупные оптовые покупатели и рассчитываетесь в срок, так пусть у них голова болит, как с вами не испортить отношения.

– Не успеваю. – Яков с листами накладных в руках перешел от контейнера с одноразовым бельём к контейнеру с продовольствием и взял новые накладные. – Не успеваю доехать на склад этой грёбаной фирмы. А общее количество недокомплекта к концу года составила сто восемьдесят четыре упаковки. А какие простыни и салфетки они прислали нам в прошлом месяце? Купидончики с крылышками и голыми жопками, с надписью: «Возвращайся скорей, мой ангел!» Для офицерского состава!

– Дорогой Яков Игоревич, – Жора, положил на полку шторы. – Пошлите меня в эту фирму, пожалуйста. Они нам не только задолженность вернут, они коньяк на каждый ваш день рождения присылать будут и благодарственные речи на лакированных открытках.

– Не слишком увлёкся? – Скептически весело уточнил Яков и расписался в накладных.

– Может, слегонца и приврал, – согласился Жора. – Но вы меня всё-таки пошлите.

Через два часа Жора положил на стол начхозотдела письмо-требование с перечислением задолженностей и пересортицей за год.

– А если найти другую фирму, Яков Игоревич? Я за два часа нашел в Интернете три других, но могу ещё поискать.

– Фирма-поставщик, Жора, согласована. – Яков показал толстым пальцем в потолок. – Переоформление договора дело геморройное.

– А фирма об этом знает? – Жора хлопал ресницами и жмурил глаза.

– Не должна...

– На понт возьмём.

Закинув в рот конфетку, Яков вытер пальцы о салфетку с голым купидончиком, подписал бумагу и поставил печать.

– Поезжай, Жора. Если получится, займёшься направлением постельного ассортимента. Своего заместителя я на сантехнику переведу, пусть с говном возится, недоумок хронический.

На складе фирмы в Городе, все должности, включая грузчиков, исполняли женщины. Оценив обстановку, Жорик метнулся в продовольственный магазин и через полчаса пил с начальницей, женщиной лет сорока, чай с ликёром. Скоро их компания пополнилась главной бухгалтершей Зоей и двумя учётчицами.

Женщины, узнав, что Жора теперь будет работать с ними постоянно, чуть ли не вылезали из рабочих халатов, в открытую предлагая себя на сегодняшний вечер и на всю оставшуюся жизнь.

Ночевал Жорик у главной бухгалтерши Зои, женщины выдающихся деловых и теловых качеств. Утром она выглядела помолодевшей, но сразу правильно оценив Жору, особых планов на будущее не строила.

На следующий день, ближе к обеду, Жора ввалился в кабинет начальницы склада и положил на стол письмо-требование и свою личную докладную записку с замеченными нарушениями. Пункты докладной ему полночи диктовала Зоя, отвлекаясь на шампанское и сексуальные утехы.

В своей проникновенной манере разговаривать, Жора так напугал начальницу склада, что та письменно обещала исправить совершенные ошибки в недельный срок.

– Пока верю, – сурово закончил разговор Жора и забрал расписку.

В посёлок он ехал счастливый. Ему светило место небольшого, но начальника. У него была крохотная, отдельная комната-квартирка и шесть вариантов любовниц со склада. Особенно хороша Зоя. Жаркая, горластая, денежная, как раз, каких он любит.

Но несвобода заставляла мечтать и рваться в ту, прежнюю, совсем несчастливую жизнь. И он вырвался. И тоже не по своей воле.

Глава 13

К восьми вечера у нас собралось половина больницы, то есть восемь больных, помимо нас, и четыре человека персонала.

Славно посидели. После банкета, не виданного доселе в стенах вышеозначенного учреждения, медперсоналу осталось три палки сырокопчёной колбасы, десять пакетов сока и пара-тройка килограммов фруктов в ассортименте. Зато ни капли кагора.

Десять дней особо питательной диеты из чужой крови, физиологического раствора, глюкозы, чёрной икры и натуральных соков привели к тому, что мой организм замечательно очистился. Только синяки на лице до конца не исчезли.

Аня же ровно наоборот. Она менялась с каждым днём. Бледнела, усыхала и немного постарела, то есть стала выглядеть на свой возраст. Она даже двигаться стала как-то заторможено, и ещё изменился запах её тела. К худшему.

Когда Аня вышла в туалет, я взяла спутниковый телефон подруги и, найдя имя «Гена», нажала на «вызов». Мужской голос ответил тут же.

– Привет, Анечка.

– Это не Анечка, это Машенька. Гена, с Аней плохо. Она отдавала мне кровь после аварии, ну вы знаете, и того... Плохо ей. Выглядит отвра-а-атительно. Говорит, ей нужно вернуться в Зону.

И я заревела в голос.

– Не реви. – Голос устало вздохнул. – Правильно. Без радиации она могла протянуть только год. Ты сможешь посадить её завтра на самолёт или маму её попросить?

– Зачем маму? – Я обиделась. – Аня мне жизнь спасла, а в аэропорт её мама повезёт?

В трубке телефона было слышно, как Гена тяжело вздохнул.

– Самолёт завтра в двенадцать дня.

В половине двенадцатого ночи медсестра Валентина, смахнув с усиков капли разведённого в три раза спирта, объявила:

– Всё, девочки, нам завтра работать. Эх, Машка, до сих пор не было у нас таких пациентов. И не будет. Знаешь, какой контингент в деревенской больнице? Старушки с застуженными придатками, мужики с простатитами, у молодняка или чирьи на лице, или переломы по пьянке. Иногда у девочек случаются аборт. Неужели есть другая жизнь?

– Нет, нет никакой другой жизни. – Отозвалась сонная Аня. – Жизнь такая, какой ты её видишь. Ты сама выбрала свою специальность. Или терпи, или уходи.

Я присмотрелась к Аниному лицу. Под глазами проявились чёрточки морщинок, на щеке – шершавое пятно. Выходит, Нина была права, выстирав мои вещи, измазанные кровью после аварии. Завтра, не дожидаясь приезда Толи, я отвезу Аню в аэропорт.

Ночью плохо спалось, и, услышав ворочание с боку на бок Ани на скрипучей больничной кровати, встала и тихо присела к ней. Её взгляд был взглядом совершенно больного человека.

– Не сплю, Маша. Спрашивай.

– Аня, и ты, и Гена настаиваете на твоём возвращении в Зону Топь. Но как же сложные отношения с академиком Аристархом? Вдруг он опять захочет поставить на тебе пару опытов?

Аню передёрнуло от отвращения.

– Уже не захочет, знает, насколько бесполезны его «хотения». Если б было другое место с такими же уровнем радиации, я бы ни за что не вернулась в Топь, но пока у меня нет выхода. Иди, Маша, ложись, завтра будет не просто тяжелый, а очень тяжелый день.

– Да ладно тебе пророчить, – я от души зевнула, и сразу заныли кости на лице, и треснувшие рёбра, перетянутые эластичными бинтами. – Отвезу тебя и быстренько обратно в больницу. Здесь до аэропорта по короткой дороге минут сорок пути.

Глава 14

Ярко-синяя «Мазда» семилетней выдержки – это липкая лента для мухастых ГАИшников. Едет приличная тачка, то есть в правах лежит денюшка. Машина не настолько крутая, чтобы напороться на неприятности, и шофёр какой-то, волнующийся. Чего ж не содрать «дорожный налог»?

Пока Жора добрался до станции «Белые столбы» он раздал полторы тысячи рублей и даже сами инспекторы ГИБДД не смогли бы точно объяснить за что.

Место казалось красивым и приятным, пока Жора не вышел из машины. Конечно, минус десять не минус двадцать, но всё равно не май месяц.

Не зная, куда ехать дальше, он подошел к единственной газетной палатке. Окошко было закрыто и Жора, дрожа от холода, прокричал, выдавая изо рта облака пара:

– А это, как его... учреждение. Где оно?

Продавица за стеклом, одетая для улицы, да ещё закутанная сверху в шаль, не стала уточнять, что именно нужно покупателю. Она отлично знала самое популярное здешнее заведение. Сильно жестикулируя, она показала налево и, кашляя, проговорила маршрут, не вставая с нагретого места.

– Вот так вот по дороге и через полтора километра вы у цели. Здание ещё сталинское, обнесено длинным металлическим забором. Понятно?

Кивнув в ответ, Жора вернулся в тёплую машину и осторожно поехал по заснеженной дороге. Скоро показалось большое красивое строение. Жору приятно удивила ухоженность зданий и всего участка.

Охранник в будке с интересом наблюдал за подъезжающей машиной.

Жора затормозил перед шлагбаумом. Он смотрел на охранника, ожидая, когда тот выйдет. Охранник, не желая морозиться, ждал клиента в будке. Первыми нервы сдали у охранника, и он вышел к машине.

Немного опустив стекло, Жора протянул купюру.

– Пропуск забыл заказать.

Равнодушно взяв купюру, охранник вернулся в будку. Шлагбаум неспешно поднялся. Жора въехал на территорию. Он решил сначала пойти официальным путём – узнать о местонахождении Лёнчика, представившись двоюродным братом.

Затормозив перед ступенями подъезда, Жора несколько секунд сидел, нервно потирая руки в перчатках. Он волновался. Ради встречи с Лёнчиком-Леонидом он бросил работу, просидел неделю в исконно русской деревне без особых удобств и теперь...

Взбежав по ступенькам, Жора взялся за медную ручку высоких дверей. Нервно оглядевшись, он потянул дверь на себя... И краем глаза прочёл табличку на стене. «Госфильмфонд России. Архив»... Это как же? Это что же? Это он куда приехал?

Не решив, заходить в здание, или возвращаться в машину, Жора держал полуоткрытой тяжелую дверь.

На против него встал охранник в тёмно-синей форме и смотрел благожелательно, как смотрят работники правоохранительных органов на «своих» работников культуры.

– Холодно, между прочим. Заходите. Вы в основной фонд, или по спецзаказу работаете? Обойдя охранника, Жора вошел в просторный холл.

В центре холла усиленно тёрла пол уборщица в синем халате, сапогах «прощай молодость» и с сердитым лицом. Мимо ходили с деловым видом женщины очень, очень среднего возраста, в юбках и махеровых кофтах времён забытого развитого социализма. Иногда их обгоняли девушки в кедах и кроссовках, одетые супермодно.

Обернувшись к охраннику, Жорик уточнил:

– А где дурдом?

Он недооценил акустику старого холла. Вопрос троекратно отскочил от холодных стен и рассыпался по помещению, разлетаясь дальше, по всему зданию.

Мимо проходящие женщины остановились, с радостью глядя на Жору.

– Дурдом прямо тут! – Громко объявила уборщица, громыхнув пластиковым ведром. – Вот он санитар-охранник, а вон пациентки бегают, шал-л-л авы.

Услышав привычный диалог, сотрудницы синхронно улыбнулись и пошли по своим делам, а уборщица продолжила тереть пол.

Охранник показал Жоре на письменный стол у входа, на котором лежала стопка бумаг и несколько ручек. Взяв верхний лист, он начертил длинную схему и, пока рисовал, заученно говорил текст поставленным, почти актёрским голосом.

– Не знаю, кто из советских литературных классиков написал о том, что психушка находится в «Белых столбах», но лет сорок архив мучают наездами и посещениями. А это совсем не тут, не в Белых столбах. Психушка находится на станции Столбы по курскому направлению, в Чеховском районе, отсюда в ста с лишним километрах.

– Ничего себе, крючок сделал. – Жора постучал пальцем по листку, на котором охранник нарисовал схему. – И как же мне ехать отсюда?

Дождавшись человека, желающего с ним общаться, а не пролетающего мимо со снисходительным кивком, охранник с удовольствием передал листок Жоре.

– Держи. А сколько ты на въезде дал? – Вопрос был задан равнодушным тоном охранника.

– Ничего не давал. – Жора внимательно смотрел на схему. Ему профессионально берущему чаевые, не хотелось выдавать собрата по взяткам. – Я просто так заехал. Сам через забор перепрыгнул. Спасибо тебе за внимание.

Пожав руку охраннику, Жора вышел из здания. Боясь замёрзнуть, он в три прыжка сбегал со ступенек, и оказался у машины.

– Эй! – Охранник у входных дверей улыбался. – А автомобиль ты в руках держал, когда через забор лез?

– Нет, – Жора открыл дверцу. – Она сама перепрыгнула.

Глава 15

Утром не хотелось вставать из больничной кровати, шевелиться и вылезать из-под тёплых одеял. Но заснуть всё равно бы не удалось. Нина в ожидании моего братца Толика копошилась с пакетами, укладывая вещи.

Встав, я увидела над раковиной заново повешенное зеркало, без энтузиазма взглянула в него. Радости отражение не доставило. Сияк расцвелился дополнительными желтыми и зелёными оттенками, нижние веки подчёркивались фиолетовыми разводами. До распухшей переносицы было больно дотрагиваться, затылок глухо болел.

Зашедшая главврач Антонина Георгиевна привычно оглядела моё лицо, нажала на переносицу, отчего я заскулила обиженным щенком.

– Прекрасная картина срастания, – констатировала врач. – Приятно видеть. И вообще, ты Маша, в рубашке родилась. А уж как твоя сестричка Аня появилась вовремя с кровью, которой у нас хронически не хватает. В общем, выдюжишь.

Врач похлопала меня по плечу, и эхо похлопования отдалось в зарастающих рёбрах и внизу пустого теперь живота.

Антонина Георгиевна вышла, и я прилегла на кровать, успокаивая потревоженное болью тело.

Вот когда показывают по телевизору мордобои, они же, киношники и телевизионщики дурят людей! Это же так больно! Мордуют и мордуют друг друга, да ещё со смачным звуком, да по одному и тому же месту по пять-шесть раз. Дать бы такому режиссёру-постановщику три раза по башке, пусть ощутит на себе всю силу своего, извиняюсь за выражение, искусства.

Я бы ещё лежала и жалела себя, до выписки оставалось несколько часов, но неожиданно в палату ввалилась тётка в распахнутом запятанном тулупе. Под тулупом топорщилась расстёгнутая вязаная кофта, под ней трикотажное платье модели «муж меня бросил тридцать лет назад».

На голове женщины пестрел разноцветный платок, второй серый пуховой, размером со столовую скатерть, она держала в правой руке. Тут тётку кто-то подтолкнул сзади и в палату, цокая по линолеуму копытцами, вошла здоровенная коричневая свинья. На толстой шее сверкал собачий ошейник в гранёных металлических заклёпках.

– Вот, – сказала тётка, глядя на меня и вытирая рукавом лицо. – Отдаю, меня зовут Полина. Откупиться у меня денег нет, а Хавронья у меня самое ценное, пусть теперь будет оторвыщ.

– Да вы что? – Я взмахнула обеими руками, с пальцами в гипсе. – Вы о чём?

Свернув на рукаве тулупа серый платок, чтобы он не волочился по полу, женщина облегчённо вздохнула.

– Хавронью тебе, Маша, отдаю. Буквально отрываю от сердца.

«Оторвыш» уселась на попу, вернее, задницу, и с любопытством оглядывалась. Я признала в хрюшке ту самую особу, что приходила к нам под окно больницы.

– Куда я её дену? В хозяйственный магазин?

Тётка меня не слушала. Она села на корточки и поцеловала свинью во влажный пяточок.

– Она такая умная! А красавица! – Кряхтя, тётка Полина встала с корточек. – Это за то, Маша, что ты меня в тюрьму не посадила.

Заявление было для меня неожиданным.

– Послушайте, не нужен мне этот роскошный подарок.

Оранжевый голос, хихикая, напомнил русскую поговорку: «Не было у бабы печали, купила баба поросё». Тут же влез с комментариями бирюзовый голосок: «Французы говорят – купил козу, и понял, что до этого был счастлив». «Чё переживать-то? Пустить эту Хавронью на

окорока, и никаких проблем, сплошная прибыль», – резюмировал Болотный, самый противный мой внутренний голос.

Пока я прислушивалась к своим мыслям, тётка накинула себе на голову пуховой платок и запричитала:

– Ой, ничеготочки ты не понимаешь, Маша. При тебе, да при братике твоём, а он ко мне, красавец-умница, три раза в гости заходил, Хавронья моя будет ухоженная и сытая.

Тётка с интересом оглядывала палату, Ниночку, и особенно Аню. Я пощёлкала правой рукой пальцами, привлекая к себе внимание. Тётка Полина повернулась ко мне.

– Не волнуйся, Маша. Деньги мне и Коля с Ирой дали, и братец твой. А только знаешь, Хавронья моя каждый час норовит сюда, в больницу сбежать. Неделю сюда бегаёт, как только на ноги стала. Взгляд у моей свиночки умный, я прям боюсь её стала.

Здрав морду, свинья принялась и бодро засемила в угол, где у нас в больничной палате хранились продукты. И тут же начала чем-то чавкать, шурша пакетами.

С кровати Анны раздался тихий голос.

– Маша, отправь Хавронью со мной, она теперь здесь жить не сможет.

– Вот именно. – Пришедшая тётка неловко застегивала тулуп. – Ещё благодарить будешь.

Пока я встала и выдёргивала из пасти хрюшки батон сырокопчёной колбасы, тётка Полина, толкнув дверь задом, сбежала. Тут же в палату заглянула медсестра Валентина.

– Слышь, Маша, я попрощаться заш... – Взгляд её остановился на Хавронье. – Батюшки светы, дожили! Нет, Машенька, ты ценный пациент, но хрюшка в палате – это перебор.

– Валентина, мне эту хрюшку только что подарили, и мы её увезём. А хочешь, возьми себе.

На секунду задумавшись, Валентина прикрыла за собой дверь и решительно замотала головой.

– Нет, Маша! У меня в хозяйстве свой собственный хряк имеется. Зовут Сашка.

– Большой кабанчик? – заинтересовалась Ниночка. – Задорого продадите? Мне бабуле нужен в хозяйство.

– Сашка – это мой муж. Двоих хряков в одном доме я не выдержу. – Сдвинув брови и вздёрнув губу с усиками, Валентина повысила голос. – Хрюшку из больницы убрать!

– Валя, – я нахмурилась, и снова заныли кости переносицы. – Я уже собираюсь выписываться.

Мечтательно глядя на огромную, по местным меркам плазму-телевизора, Валентина обречённо вздохнула:

– Я вчера ворчала, а сегодня тебе честно скажу – во-первых, мне нравится работа, а во-вторых, и в самых главных, на моё место ещё семь желающих. Маша! – Валентина сменила тон. – Не подведи меня, пожалуйста.

– Ладно. – Я запахнула тёплый халат, ажурную ночнушку и сменила тон с просительного на свой привычный, руководящий. – Валя, в качестве одолжения, скажи главврачу, чтобы сделали выписку не только на меня, но и на Аню, напиши что-нибудь про сонное состояние.

Валентина оглянулась на плоский телевизор, видимо примеривалась, куда поставит его в своей квартире и вышла из палаты.

– Сделаю.

Глава 16

До железнодорожной станции «Столбы» под Чеховым, Жора добрался к вечеру, уже в темноте. Территория представляла собой девственный лес, засыпанный снегом, под которым намечались клумбы и низкие ограды.

На въезде из будки вышли сразу два охранника и на Жорина заявление: «Мне к главврачу», подкреплённое тысячной купюрой, положительно не среагировали, а потребовали паспорт. Но тысячу взяли.

Ещё раз паспорт у него потребовал охранник в административном корпусе и до кабинета главврача довёл лично.

Комплекс зданий психушки при ближайшем рассмотрении выглядел гораздо ободраннее Киноархива.

Охранник проводил Жору от самых входных дверей до кабинета главного врача.

Главврачом оказалась женщина, которую запросто могли звать Аврора Крейсер или Брунгильда Айседоровна. Её костюм, больше похожий на френч товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, строгая прилизанная причёска, и алый маникюр на коротких ногтях дополняли образ. Но звали директрису, как гласила табличка у двери, Юлия Гавриловна.

Дизайн кабинета напоминал бы типичный кабинет современного руководителя, если бы не стол. На столе можно было разбивать пикник, спать втроем или использовать для рулетки. Длинный, массивный, на львиных лапах, он был из того, позапрошлого века.

– По какому вопросу? – спросила Брунгильда тоном судьи, читающей пожизненный приговор.

Оглянувшись на стоящего за спиной охранника, Жора откашлялся.

– Брат у меня тут лежит, двоюродный.

Постукивая костяшками пальцев по столу, женщина прорычала:

– Фамилия! Брата!

– Тавренный. Леонид.

Главврач кинула особый взгляд на охранника, и тот сделал шаг к Жоре.

– А допуск у вас есть?

– Допуск? – Жора в две секунды решил для себя, что отступать некуда. – Скорее всего есть, только я не знаю, где его взять.

– Проверим. – Главврач выдвинула ящик и достала телефон.

Нажав только одну кнопку, Аврора Айседоровна приложила трубку к уху и нахмурилась, ожидая ответа.

– Алло! – рявкнула она. – Господин Академик, тут к нашему пациенту приехал какой-то Жорес Владимирович Салаев, представился двоюродным братом. Пускать?.. Передать?

Жестом борца восточных единоборств, Крейсер Брунгильдовна выбросила руку с телефоном вперёд.

– С вами хотят поговорить!

Стол был настолько широк, что Жоре тоже пришлось вытянуть руку и лечь животом на зелёное сукно столешницы, чтобы взять телефон.

– Алло. Это я, Аристарх Кириллович, Жора. Я подумал, что погорячился, когда решил уехать из Зоны и...

– Зачем к Лёнчику приехал? – Не слушая лишнюю информацию, перебил Академик.

– Я... Я подумал, может ещё какое дело интересное будет, а то совсем закис в Москве. – Лепетал Жора.

– Откуда адрес узнал?

– Аня сказала.

– Что? – Самоуверенный голос в трубке, крикнул от неожиданности. – Когда ты её видел?

– Вчера. У неё подруга, Маша, полторы недели назад в аварию попала, Аня помогла ей выжить.

– Понятно. – Академик немного помолчал, после чего тон его изменился. – Если ты решил искать приключений на свою задницу, значит, свободное время у тебя есть. Привезёшь Лёнчика в Зону.

– Это я могу, Наверное, только хотел Леонида увидеть.

– Увидишь. Ждать выписки будешь там, в психушке, проживание и питание оплачено. Согласен?

– Я согласен, – Жора не скрывал радостно облегчения.

– Хорошо. Когда настанет время – поймёшь. Понаблюдай за Леонидом, попытайся общаться. Передай трубку главврачу.

Голос в трубке был нейтральный, равнодушный, но Жора слышал в нём другую жизнь, Посёлок Топь, новых друзей и свою грудастую надёжную Зою, по которой соскучился.

Снова распластавшись на столе, Жора передал трубку. Выслушав по телефону указания, главврач оттаяла лицом и стала Юлией Гавриловной.

– Игорь, – обратилась она к охраннику. – Отведи Георгия Владимировича в лучший номер нашей гостиницы. Питание по классу люкс, форма перемещения по территории – свободная.

– Понял, Юлия Гавриловна. А алкоголь ему можно? – Косясь на Жору, уточнил охранник.

Главврач показала крепкий кулак.

– Не больше полбутылки водки в одно рыло. Свободны!

Глава 17

Нина помогла мне довести Аню до машины. Анна еле передвигала ноги, не открывая глаз. Хавронья запрыгнула в «Лексус» сама.

– А когда приедет Толик? – с надеждой спросила Нина, когда я села за руль.

– Через час, – успокоила я. – Ты не удивляйся, что мы сбегаем. Но брат не отпустил бы меня, силой бы удержал, а мне срочно нужно посадить Аню на самолёт. К вечеру буду дома.

Перед каждым постом ГИБДД меня начинала бить мелкая дрожь. Я не сомневалась, что машину обязательно остановят и как я объясню нашу прелестную тройцу?

Мой брат после аварии забрал новые вещи из багажника «Лексуса», перед тем, как отогнать его в ближайший автосервис. И теперь я ехала в куртке, плохо застиранной от крови. Левая рука в ярко-белом гипсе, лицо сильно заштукатуренное, но при ближайшем рассмотрении проступали синяки. На соседнем сидении спала Анна в соболиной жемчужной шубе стоимостью в половину той деревеньки, у которой я попала в аварию. А на заднем сидении, развалившись, посверкивала собачьим ошейником Хавронья.

Вот что бы я сказала инспекторам, объясняя дурацкую ситуацию? Но почему-то останавливали и штрафовали других, а я ехала на «зелёной волне».

До Шереметьева мы домчались за полчаса.

Поставив машину на стоянку, я живенько побежала выкупать билет.

В кассе зала аэропорта мне, к большому удивлению, выдали два билета. Оба оплаченные. Я набрала телефонный номер.

– Алло, Гена, а второй билет для кого?

– Для тебя, Маша. – Спокойный, заранее уверенный в моём решении голос. – Аня не сможет самостоятельно добраться. Ей нужно помочь. Я всё оплачу.

Я вышла из здания аэропорта, к автомобильной стоянке.

– Да нет же, Гена, это невозможно. – Я шла к машине. – У меня ЧП, у меня свинья на заднем сидении машины. Её-то куда девать?

– Какая свинья? – Голос Геннадия стал растерянным и оттого более человечным. – А-а, та, из-за которой ты вылетела в поле?

– Да. Мне её подарили.

Звук в трубке был похож одновременно на кашель и смешок.

– Выпусти свинью на волю.

Хавронья смотрела на меня через заднее стекло. С надеждой.

– Гена, бросать её нельзя. Она замёрзнет или её съедят. Аня посоветовала её взять в Посёлок.

В трубке послышался вздох.

– Тогда вези сюда.

– Не поняла. – Открыв дверцу машины, я стала трясти Анну за плечо, но она не просыпалась. Я потормошила сильнее, но не разбудила. – Гена, Аня не просыпается.

– Не удивляюсь. – Голос Геннадия снова стал правильно-дружественным, то есть «никаким». – Думаю, её сон близок к коматозному состоянию. Найми кого-нибудь в медицинском кабинете, пусть помогут перенести в самолёт. Достань из сумки Ани банковскую карту, я скину на неё денег.

На слово «деньги» мой Оранжевый голос заставил меня залезть в сумку Ани, лежащую на заднем сидении.

– Гена, пересылай побольше денег. В Москве народ балованный взятками, сумму запросят немаленькую.

В медкабинете сидел мрачный доктор лет сорока и две медсестры – помоложе и постарше. Доктор читал что-то в телефоне, медсестры листали журналы.

– Помощь нужна. – Подойдя ближе, я выложила на стол две больничные выписки, два авиабилета и две тысячи долларов. – Хочу себя и подругу отвезти к якутскому шаману для прохождения курса нетрадиционной медицины.

Медсестры отложили журналы и смотрели на меня с искренним интересом и пониманием. Врач радоваться не спешил.

– А проблема-то в чём? Имеете право. Даже не смотря на то... – Доктор прочитал Анин анамнез. – ... Что, видимо, она спит. Да?

– Да. Она спит, – покаянно согласилась я. – Но дело не совсем в этом, дело в свинье.

Теперь всё трое смотрели на меня, с интересом. Они бы со мной особо не церемонились, если бы не деньги на столе.

– Хавронья, это свинью так зовут, она особенная. Это... – тут меня осенило. – Это оплата за наше лечение для шамана. Вы только посмотрите на неё и сразу поймёте, что она необычная. И сделать-то всего, что внести Аню, мою подругу и внести в самолёт, и уговорить экипаж пропустить Хавронью. С деньгами вопросов нет. Поможете?

– Ну, как, как, – Доктор встал и протянул мне билеты и выписки, – ... не помочь больному человеку? Сейчас я выпишу вам сопровождение, а девочки... Эльвира, давай к грузчикам, у тебя быстрее получится, а ты, Юля, к экипажу...

– Я могу к трапу подъехать. У меня «Лексус» на стоянке стоит.

– «Лексус» – это хороший диагноз, впечатляет, но подъедем мы на нашем служебном транспорте. – Врач сел, спрятал деньги в карман и начал писать нужную бумагу.

* * *

Уверена, в любом аэропорту если не каждый день, то уж каждую неделю происходят и странные, и трагические, и смешные случаи. Но наша сегодняшняя посадка в самолёт останется в легендах. Она произвела сильнейшее впечатление на всех и каждого, кто соприкоснулся с транспортировкой трёх милых девушек.

Я поднималась по трапу сама, Аню поднимали на носилках, Хавронью, визжащую на всё лётное поле, затаскивали двое грузчиков. Сзади поднимался врач в белом халате и уговаривал всех не волноваться.

Проследив за обустройством Ани и Хавроньи, я села на своё место в самолёте и открыла шторку иллюминатора. Зазвонил мой телефон.

– Машка, ты когда в больницу вернёшься? Я ж беспокоюсь и за твоё здоровье, и за ГАИшников. – Толя, как всегда, что-то жевал, разговаривая со мной.

– А за них-то беспокоишься с какой радости?

– Жалко мне того инспектора, который решит содрать с тебя штраф.

– Толя, если бы я не сэкономила каждый рубль, мы бы ни дом не купили, ни магазин. – Уточнила я. – Ой, забыла тебе сказать, я лечу в Якутию, в посёлок Топь. Аня впала в летаргический сон и одна не долетит.

– Что? – Голос брата сорвался на дискант. – Куда ты собралась, с не заросшими рёбрами? Да тебя с самолёта снимут! У тебя же вид пострадавшей в серьёзной аварии.

– А вот и неправда, я уже сижу, смотрю в иллюминатор. Мне подполковник или полковник Гена для взяток выслал денег. И все взятки сработали. Я тебе из Топи позвоню. За ребёнком смотри.

– Ладно. – Брат примирительно заурчал довольным голосом. – Присмотрю и за Данькой, и за Ниной. Езжай, если нужно. Своих бросать нельзя... А Кирилл от нас съехал, и его видели в посёлке с какой-то девушкой, – тихо добавил брат. – Четыре раза.

Я ничего не ответила, боясь разреваться в голос.

Самолёт плавно взлетел над землёй. Рядом со мной в кресле спала Анна, в ногах сопела Хавронья. Стюардесса, которой я лично заплатила триста долларов, принесла одеяла и поправила ширму, отделяющая наш женский коллектив от других пассажиров.

Да уж, наша троица и здесь вызвала интерес. «Это чего же такое творится? Это же авантюра», – возмутился мой Оранжевый голос. «А всё равно другого выхода у нас нету, – запел Бирюзовый голосок. – Анечку бросать нельзя». «И чего тебе дома-то делать? – Зевнул Болотный голос. – Там сейчас будет проистекать роман между Толиком и Ниночкой, и ты будешь мешаться. И на Кирилла смотреть не придётся, душу себе рвать».

Глава 18

После приземления, я, отодвинув ширму, наблюдала, как из самолёта выходили пассажиры. Сидела и ждала помощи, надеясь, что Гена что-нибудь организует, ведь я не могла самостоятельно вытащить Аню и, при этом держать свинью. Хавронья непонимающе смотрела на меня, вопрошая – за каким фигом я завезла её на край земли.

За окном мёрзлой занавесью неслась метель.

У выхода из самолёта наметилось оживление, и под хихикание бортпроводниц, в салон втиснулся молодой мужчина в полушубке, в брюках защитной расцветки и в оленьих унтах. В мужчине я узнала полковника медицины Геннадия Лебедева.

Я видела Гену всего один раз, в прошлом году не больше получаса. Уже тогда я обратила на него внимание, несмотря на то, что была влюблена в Кирилла. Харизматичный.

Мужчина встал передо мной.

– Ты Машей будешь? – поинтересовался Гена.

Я огляделась. Спящая Аня, хрюкающая от неопределённости Хавронья, и я, во всей красе восьмидесяти килограммов и синяком в пол лица. Больше никого.

– А что, есть другие варианты?

Гена приветливо улыбнулся.

– Извини, не узнал.

В самолёт резво вошли два бойца в тёплом обмундировании. На ходу развернув мягкие носилки, они споренько уложили на них Анну, «ласково» задвинув сапогами Хавронью в угол, чтобы не мешала. Меня Гена буквально выдернул из кресла, накинул на плечи военный ватник.

– Давай, Маша, быстрее, а то мы нарушаем распорядок работы аэродрома.

– Как нарушаем? – Не поняла я.

– За большие деньги. Нас ждёт вертолёт. Хрюша, топочи за нами.

Разумная свинюшка тут же вскочила на копытца, уронив одеяло на пол, и поцокала к выходу.

Я поспешила за Геной, а он неожиданно оглянулся. Я прям-таки споткнулась на месте, натолкнувшись на заинтересованный взгляд мужчины. Вот это номер! Полковник смотрел на меня как на женщину. Протянув руку, Гена помог мне выйти из самолёта. Нет, взгляд у него был нормальный, мне просто померещилось.

Вертолёт стоял недалеко. Большой, красивый, военной раскраски. Пропеллеры, один под другим, уже раскручивались, ожидая нас. Мы погрузились за пять минут. Но надо было видеть лицо пилота, когда он заметил семенящую в арьергарде Хавронью в сверкающем ошейнике.

Летели два часа. Меня мутило. Хавронья первые десять минут смотрела в иллюминатор, а затем, когда на неё накинули тёплую куртку, благополучно заснула.

Аня очнулась на пять минут, улыбнулась Гене и опять уснула. Находясь в тесноте, я была вынуждена сидеть впритык к Гене. Он пил коньяк из плоской фляжки маленькими глотками и наблюдал за всеми нами. То ли от нечего делать, то ли ему действительно было интересно и не противно, но Гена повернул моё лицо к себе.

– Переносица сломана. Ушиб лобных костей, повреждено левое ухо. Больно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.